

Николай МОРОХИН

БОГИ ЛЕСНОГО ЗАВОЛЖЬЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО СТАРЫМ РУССКИМ
РУБЕЖАМ

Неведомая Русь

Николай Морохин

**Боги Лесного Заволжья.
Путешествие по старым
русским рубежам**

«ВЕЧЕ»

2017

Морохин Н. В.

Боги Лесного Заволжья. Путешествие по старым русским рубежам / Н. В. Морохин — «ВЕЧЕ», 2017 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-8673-3

Книга нижегородского журналиста доктора филологических наук Николая Морохина рассказывает об архаичных верованиях и явлениях сегодняшней культуры, которые воплотили эти верования, о малознакомых и интригующих страницах средневековой истории севера нижегородских и костромских земель. Здесь поток славянских переселенцев встретил своих восточных соседей – марийцев и мерю. Встреча эта определила не только пути становления духовной среды Лесного Заволжья, но и во многом судьбы складывающегося русского этноса и народов, живущих рядом с ним в Поволжье. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей российской провинции и народов Отечества.

ISBN 978-5-4444-8673-3

© Морохин Н. В., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Что хочет прошлое?	6
Силы леса	19
Силы воды	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Владимирович Морохин

Боги Лесного Заволжья

© Морохин Н.В., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Что хочет прошлое?

*Приехали мы через семь лесов,
Освещали нам путь листья берёз.
Приехали мы через семь оврагов,
Освещали нам путь листья клёна.
Приехали мы через семь деревень,
Освещали нам путь добрые люди.*

Горномарийская песня

Начало этой истории поисков и находок было не просто неожиданным. Как оказалось потом, я его даже не заметил сам.

Это был зимний вечер, точнее ранние январские сумерки в середине восьмидесятых годов. Я оказался в северной части тогда ещё Горьковской, а сейчас Нижегородской области и записывал там старинные русские предания и песни.

Из деревни, где я провёл несколько часов, возвращаться в посёлок было не так уж далеко, и я решил не дожидаться автобуса в шесть часов вечера и пойти пешком.

По дороге нагнал пожилую женщину, поздоровался с ней.

Место, мимо которого мы шли, показалось необычным. Словно бы посреди поля возвышался аккуратно обойдённый со всех сторон маленький участок старого леса, судя по всему – квадратный. Может, и вели к нему какие-то дороги по полю, то сейчас их замело. Понято, если были бы видны ограда и кресты – сельское кладбище. Или оно старое, заброшенное?

Об этом я спросил женщину.

– Нет, – ответила она, – это не кладбище.

– А что тогда?

Женщина неопределённо махнула рукой:

– Куст.

– Какой-же это куст? Тут всё больше старые высокие деревья.

– Не надо вам это знать. И не спрашивайте – зачем вам, приезжему человеку.

– Почему?

– Туда нельзя всё равно ходить. И я там не была ни разу. Это марийское. Кереметь.

Страшное это дело.

– Что такое Кереметь?

– Это дьявол ихний. Нельзя туда ходить.

Дьявол?... Не слишком ли – на излёте двадцатого века в цивилизованной Европе, в родной области?... А что будет, если зайду?

* * *

В тот вечер мои вопросы так и остались без ответа.

Многие для меня так и остаются без него сегодня. И вообще вопросов оказалось в итоге во много раз больше. Но жизнь с того дня стала сводить меня с людьми, предлагать события, удивительным образом связанные с тем, другим миром, которому, судя по всему и принадлежала роща.

И ничего в этом сверхъестественного. Давно замечено: если тебя начинает интересовать какой-то вопрос, то в руки невольно само начинает попадать то, что с ним связано. Обстоятельства так складываются. К мистике же я был совершенно не склонен. Хотя время наступало такое: после длительного торжества материализма общество вскоре, закусив удила, ударило именно в неё – в мистику. Женщины с просветлёнными лицами заумно рассуждали об энергиях, аурах и карме (предполагаю, что это куда приятней, чем радовать мужа обедом). Дипломированные экстрасенсы, которым золотили ручку, лечили неизлечимые болезни, вглядываясь мозолистым глазом в фотографии страдальцев. Астрологи сулили в среду рыбам полезные деловые контакты, а скорпионам бытовые травмы. Некие волосатые личности уверяли с телеэкранов, что знают числа, управляющие миром, и могут подсчитать, в какой день произойдут политические кризисы и начнутся новые витки инфляции.

Одна из священных рощ Шарангского района Нижегородской области

* * *

Мне тогда не было ещё тридцати.

Я очень надеялся на то, что в своей жизни буду изучать русскую традиционную культуру в сёлах вокруг своего города, что найду, например, в глухой деревне за Волгой былинку или встречу необыкновенно талантливого сказочника, знатока старинных песен об Иване Грозном или Степане Разине. А потом составлю и издам сборник с этими удивительными текстами. Признаюсь, я выкраивал для своих поездок по несколько дней сам, по своей воле, а работа в университете этого совершенно не предусматривала. И даже наоборот, было бы хорошо, если бы я никуда не ездил, а сидел дома и писал скучную диссертацию по литературоведению.

Заниматься фольклором – это можно было скорее отнести к домашним традициям. Мой отец был замечательным фольклористом, человеком, читавшим в университете блестящие лекции о русском народном творчестве (я их слушал!). Когда мне было четырнадцать, он

взял меня в фольклорную экспедицию – на озеро Светлояр. И мы целую неделю записывали от стариков легенды о граде Китеже. Так начиналась работа над книгой моего отца об этой легенде, книгой, которая вышла спустя десятилетие и стала в области настоящим бестселлером. С той самой экспедиции мне стало ясно, чего я хочу в жизни. При таком раскладе мне на роду было написано собирать русские сказки и предания. Я уже немало поездил по области – где-то в районном пазике, где-то в кузове колхозного грузовика, где-то ходил пешком – вроде бы знал её.

Ещё я знал, что существует такая проблема – взаимовлияние фольклора соседних народов.

Об этом немало было написано статей в учёных записках, выходявших в соседних городах. Статей скучнейших. Типичная тема: бытование сходных сюжетов сказок. Всё здесь легко просчитывается, ибо ещё в начале XX века мудрый Антти Аарне дал номера всем широко распространённым сюжетам сказок, всё это приспособил к русской традиции в 20-х годах фольклорист Николай Андреев. Итак, вы собрали гору сказок, определили их сюжеты, установили, что в правой кучке у вас будут лежать карточки со сведениями по русским деревням, в левой – по мордовским. И считаете: какой процент придётся на самые известные сюжеты в одной и в другой стопке. Скорее всего, если территория почти одна, вы получите примерно одинаковые цифры. Дальше вы делаете правильный вывод о том, что в регионе складывается некая единая сказочная традиция, и это безусловный вариант взаимовлияния соседствующих культур. Впрочем, изучать можно и предания. Во многих районах нашей области они начинаются с очень хорошо понятной местным жителям экспозиции: это было давно, когда тут ещё жила мордва, или пришло в наши места татарское войско, или жил тут человек, звали его Сурадей... Рассказчики никого не убеждают в том, что тут раньше жили люди другого рода-племени, «не нашего бога», как писал в одном стихотворении уроженец Лесного Заволжья Борис Корнилов. Это всем понятно. Но об этих людях никто толком ничего не знает: давно было. Потому можно опять-таки фиксировать сюжеты, хоть и не включённые на сей раз в указатель, и констатировать внимание в несказочном эпосе вот к этой коллизии прошлого. Преданий в старых публикациях, в наших записях сотни, многие сотни. Дальше мы разбиваем сюжеты на группы. Как предписывают умные учебники, одни предания рассказывают об исторических событиях, другие объясняют географические названия. Эти группы мы разбиваем дальше – например, по эпохам, по тем народам, о присутствии которых вспоминают старики. И всё – появляется новый ракурс, складывается план работы.

Или ещё проще: записи песен. Смотрим, сколько русских песен в репертуаре исполнителей-соседей. Что интересно, у русских исполнителей мы не обнаруживаем песен чувашских, мордовских и татарских. Дело, наверное, в том, что русские почти не владеют этими языками или даже совсем не владеют?

И мы изучаем это самое взаимовлияние, делаем выводы.

Всегда приятно изучать очевидные вещи. Если у вас солидная методика, то это убедительно, научно и, в сущности, как говорят в таких случаях, диссертабельно. Но, по-моему, очень скучно. И совершенно не приближает к ответам на какие-то очень важные вопросы.

Однако тут столкнуться в нескольких часах пути от дома с чем-то другим, что не вписывалось в привычную для меня картину мира, – было слишком большой неожиданностью. Не дебри Амазонки, в конце концов!

Ну, нет, я постараюсь разобраться, что это за куст, что за Кереметь и чего боится эта женщина.

Правда, не знаю, получится ли.

* * *

Уже в тот вечер для меня было очевидно, что тут не надо спешить. Потому что настоящие ответы придётся искать не в одних только ближайших деревнях. Здешняя округа – только крохотная часть огромного Лесного Заволжья, посреди которого я оказался. Это край южной тайги – с глухими тёмными ельниками, с пихтарниками и лиственничниками, с болотами, с пространными опольями в давно обжитых местах вокруг старых торговых сёл. И тут не просто природа и сёла-деревни: древние дороги, след людей – их языков, возможно, уже забытых, их уклада жизни, традиций, которые повелись с невесть каких дальних времён. Кто-то сюда приходил из других мест, кто-то, наоборот, уходил: марийцы, русские, кто ещё? ... Надо слушать людей, – и то, что они будут говорить, и то, как скажут. Надо читать старые книги. Непонятно было, правда, какие именно. Но неужели не хватит разума их найти? Ведь кто-то здесь или в соседстве должен быть изучать подобные вещи.

И всё это хорошо бы видеть в целом. Потому что ничего не дадут отдельные факты: в итоге всё рассыплется. И ответ может появиться только вместе с какой-то общей картиной.

А Лесное Заволжье – только в современной Нижегородской области больше 30 тысяч квадратных километров. Странно, но даже в XX веке были знаменитые географы, хотя вроде бы все главные открытия в этой науке были давно позади, как в арифметике. В их числе – Борис Хорев, который заведовал одной из главных географических кафедр в совершенно точно главном Московском университете. Его докторская диссертация была посвящена Нижегородскому Поволжью. И он обрисовал в нём рубежи Лесного Заволжья. Главный, южный – это сама Волга. С правого берега к ней подступали местами даже участки ковыльной степи. А с левого берега в её воду смотрелась тайга.

Но дальше, если вдуматься, начинаются трудности. Конечно, можно следовать за административным делением и с трёх других сторон ограничить этот край Нижегородской областью. Только ни к чему внятному это не приведёт. Роль оси Лесного Заволжья явно предназначена чему-то, что перпендикулярно Волге. А это здесь Ветлуга – третий по длине приток Волги. Ветлуга бежит к ней с севера и, конечно, половина своего пути проходит по Нижегородской области. Однако начинается она среди болот соседней Кировской, дальше течёт по Костромской, впадает возле Козьмодемьянска в Марий Эл. Словом, вместе с ней Лесное Заволжье плавно переходит в соседние регионы и теряет свои чёткие очертания. Кроме того, его трудно представить себе без Унжи – другого крупного волжского притока. В среднем своём течении две эти реки близко подходят друг к другу – на какие-то сорок километров. Для знающего дорогу человека это дневной переход. К тому же, полтора века, начиная с екатерининских времён, и Унжа, и вся средняя Ветлуга были в одной Костромской губернии – в одной связке. Это уже потом, в XX столетии, большую часть этих территорий отписали к Нижнему Новгороду. Вот и попробуйте пренебречь этими соседними костромскими землями по Унже, рассуждая об этом крае. Не выйдет!

* * *

На самом краю области в Воскресенском районе есть село Большое Поле. Мы жили там с моими товарищами несколько дней в бревенчатом школьном интернате во время экспедиции. Однажды вечером на огонёк туда заглянул молодой человек из местных. Сказать честно, во время экспедиции редко бываешь рад таким гостям. «Знакомиться» – говорят они. И это не обещает ничего хорошего – как минимум, отвлекут от переписывания черновиков, а это не менее важное дело, чем поиск материала. Здесь же молодой человек стоял на пороге с банкой молока:

– Угощаю! А то, наверно, голодные здесь сидите?

Нашему гостю было удивительно, что кто-то приехал из города не убирать картошку, а выспрашивать про старину. Зачем нам это? А что мы с этим будем делать дальше?

– Давайте я вам тоже историю одну расскажу. Но это всё правда, не сказки. Тут у нас село такое... Мы сами русские, а вокруг в нескольких деревнях марийцы живут. Колдуны они самые настоящие. Нам кое-что случается видеть. Вот отец мне рассказывал. Он в лес на Юронгу рыбачить пошёл. Видит – а там на у реки мариец дед Лапшин сидит. И прямо на берегу на деревьях сети повесил. Ну, отец думает – зачем это он?... И тут мариец этот пошептал что-то над водой и отошёл. Через некоторое время рыба сама начала из реки выпрыгивать – и в сеть, в сеть вся! Выпрыгнуло её не больно много – как раз на уху. Мариец рыбу собрал в сетях, поклонился в сторону реки. И всё, пошёл – порыбачил будто.

Я кивал головой и быстро записывал этот странный рассказ.

– Не верите, что такое бывает?

– Верю.

Когда слушаешь человека, когда записываешь с его слов историю, верить – единственный выход. Иначе рассказ немедленно оборвётся.

Прошло немало времени. Я уже почти забыл о том большепольском рыбаке, который подсмотрел случайно, как промышлял на Юронге старый мариец. Но история вспомнилась, когда я изучал в областной библиотеке редкую старую книгу – сочинение помещика графа Николая Сергеевича Толстого, который жил на севере Нижегородской губернии и в 50-х годах XIX века писал очерки о тех местах, которые ему были хорошо знакомы. Это самый первый печатный краеведческий труд на нижегородской земле. Местный граф Толстой приходился троюродным братом великому писателю и тоже, судя по фотографии, имел очень представительную бороду. Но его книга «Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии», выпущенная в Москве в 1859 году, – трудно назвать простым чтением не потому, что диалектика души – штука сложная. Книга получилась сразу обо всём. Она безо всякого особого порядка то рассказывает о тайге и страшных лесных пожарах, то о раскольниках, которые скрываются где-то в самой глуши в землянках, то об охоте и рыбалке, то о безобразных нравах крепостников прошлого – для автора – XVIII века (он-то сам был помещик просвещённый, гуманный!). Между размышлениями, так ли семёновские мужики рубят для своих поделок берёзы и какие плохие дороги связывают Поволжье с Поветлужьем, обнаружилось в книге любопытное замечание. Оказывается, традиционно полтора века назад на Ветлуге ловили рыбу довольно необычным способом. Вначале собирали в тайге семена одного известного местным жителям растения (Толстой приводит его латинское название, но – для неспециалиста это пустое: номенклатура в ботанике за это время уже поменялась, и разобраться сможет только сведущий в истории этой науки человек). Затем семена закатывали в хлебный мякиш и кидали в воду как приманку. Рыба, отведав её, «дурела» и через десяток минут начинала выпрыгивать «подышать свежим воздухом». Тут-то её, родимую, и прибирали к рукам.

Вот он – секрет «колдовства» того марийского рыбака. Он просто помнил то, что прекрасно знали его предки.

Толстой считал способ, как минимум, варварским по отношению к добыче и опасным: так и всю рыбу в реке можно переловить!

Но судя по рассказу молодого человека из Большого Поля, дед Лапшин не имел такого коварного намерения. И даже наоборот, с самого начала ограничил себя в улове. Необычная приманка давала возможность уже перед рыбалкой «заказать» нужное количество рыбы. А сам способ её ловли не был таким жестоким, как обычный, на удочку. Представьте себе на минуту: вы заглотили что-то вкусное вместе с крючком, он зацепился за внутренности, и

теперь железо причиняет невероятную боль и тянет вас куда-то вверх... Да нет же, старик Лапшин не возьмёт ничего лишнего и никого не будет мучить напрасно.

* * *

И ещё одна экспедиция. Зима. Ночь. Старый холодный вокзальчик (его уже давно снесли, и на его месте теперь солидное кирпичное двухэтажное здание) на таёжной станции Пижма. Плохо прикрывается дверь. А там на улице воет ветер, качается единственный фонарь у входа и несёт, несёт снег.

Наша электричка будет в четыре часа утра. Ближе к четырём сюда придут люди. А пока – мы вчетвером.

Во втором часу ночи на пороге вокзальчика отряхивает с себя снег ещё один пассажир, пришедший слишком рано, – не особенно трезвый пожилой мариец:

– Надо же какие люди бывают!.. Печник я. Я тут на Пижме шестнадцать печей сложил. У одного хозяина совсем недавно старую печь разбирал, новую делал. Тяжёлая печь была, не работала, вся забилась. Грязи сколько вытащил, сажей этой дышал... Вот я сегодня пришёл сюда в посёлок, припозднился. К двенадцати дело было. Я к нему стучу, а он не открывает. Я ведь слышу – он там. Он около моей печки. А я на холоде, по колено в снегу... Я обиды не держу. Но ведь нельзя так – стихия накажет.

Снова вспомнилась книга графа Толстого.

Он размышлял о характере черемисов – так в его времена называли мариЙцев. Честны, трудолюбивы, их бедность – не от недостаточного радения, а от того, что люди эти раз и навсегда поставили себе рамки, пределы: не брать из природы, от других людей лишнего, не роскошествовать. Оказавшись в мариЙской деревне, ощущаешь «неприхотливое, но всё-таки радушное гостеприимство»: «въезжаешь просто, без спросу, вас накормят, чем сыты сами – редькой и хлебом, брусникой, грибами, сушёным зайцем, вяленой рыбой». И с возмущением писал: именно этим радушием, доверчивостью некоторые пользуются. Ничего нет проще – этих людей обмануть, обсчитать да ещё подsunуть потом какие-нибудь бумажки – читай, дескать. Николай Толстой писал об этом: «Мы, помещики, и все, кому доводится разбирать дела родословные, бездоказательные, никогда не станем входить в подробности представляемых нам жалоб от черемис на крестьян наших, и какие бы крестьянин ни приводил оправдания, увёртки и свидетельства других крестьян, все их можно пропускать мимо ушей без всякого доверия, но решительно слушать одного черемисина: у нас тысячи примеров, в которых черемисин всегда выходил победоносно!.. Разница между тяжущимися заключается в том, что русачки путают, облыгают, крестятся, божатся, заклиняются детьми и всякими другими отвратительными способами, как например: чтобы глаза лопнули, чтобы утробу разорвало, чтобы провалиться на месте (в это время другие поддакивают); окончательно же окажется, что вся божба эта была ложь, самая унижительная и оскорбительная для человечества! Черемисин же с первого слова противника скажет просто: „На него, бачка, всё не правда казыт“, и тут же без околичностей расскажет всё дело своим странным наречием, и потом уже не прибавит ни слова».

Мариец рассчитывает доказать свою правоту: ему кажется, что сделать это проще простого, стоит дойти до большого начальника и всё ему рассказать, ведь правда на чьей стороне? Но большому начальнику иной раз не бывает дела до инородца. Да и сразу видно: облапошен он по его же собственной простоте. Черемисин уходит из присутственных мест удивлённый происшедшим, но ни капли не расстроенный. Он хорошо знает: высшие силы видят всё. И они ему зачтут правду, а обидчику не избежать наказания. Черемисин даже начинает жалеть его в такую минуту: не хочет, чтобы гнев высших сил обрушился на этого лысоватого чиновника и на купца, делающего удивлённое, непонимающее лицо. «Ваша бог

виде!.. Нехорошо буде! Пропадил будешь! Умрил будешь!..» Стоило им из-за такой мелочи связываться с высшими силами! Подумали бы о себе!

* * *

Гостеприимство гостеприимством, а вот однажды Толстого, который на закате зимнего дня приехал в марийскую деревню, ждали неприятности.

Его возница из лихости несколько раз хлестнул кнутом и сбил с изб длинные тонкие сосульки.

Из домов выбежали возмущённые люди и чуть не побили приезжих.

– Злой человек, плохо делал! – кричали они. И сбивчиво объясняли: – Мороз будет сердчат, приходит в изба и усех помрём делать...

Ну, да, конечно. Толстой понял сразу, что натворил его возница.

Мороз сделал сосульки. А тут приехал чужой человек и сбивает их направо и налево. Не накажет ли этот мороз людей за то, что они вот так обходятся с делом его рук?

И вообще – что можно трогать в природе, чего нельзя и почему?

Совершенно точно: нельзя трогать, портить то, что к человеку отношения не имеет. Не рассчитываешь на явную пользу от того, что сделаешь, – лучше не вмешивайся. Потому что есть риск повредить.

«Снег свисает с веток ели – к хорошему урожаю», «Весной сосульки с желобов длинные – на урожай», «Зимой длинные сосульки – ячмень будет высокий» – это я нашёл в сборнике «Марийские народные приметы», который в 80-х годах XX века составил известный фольклорист Александр Китиков. Судя по примечаниям, он путешествовал и записывал их именно в тех марийских деревнях нижегородского Лесного Заволжья, где мог бывать за век до него граф Толстой.

Когда состоялось наше знакомство, Александр Ефимович рассказывал мне: собранные приметы он сдал на проверку на одну из местных метеостанций. Там вначале поулыбались. Но через пару лет рассказали: в это трудно поверить, но сбывается до 95 процентов примет. Нет, в приметах, конечно, ничего не говорится о конкретных значениях температуры в градусах, а также атмосферного давления и влажности. Ход событий в природе оказывается обозначен только в самом общем виде. И ещё оговорки: это были не «приметы вообще» – Китиков подобрал для проверки только те, которые записаны именно в тех местах, где находится метеостанция.

Вдумайтесь: свисает снег с веток ели. Ветки эти наклонные, и требуется, чтобы никто их не потревожил, иначе снега этого на них просто не будет. Сбили с крыш сосульки, и к весне уже никто не узнает, каким они стали бы – длинными, наклонными (а это уже другие приметы!), толстыми? Это всё равно что прийти в чужой дом и сломать часы или барометр – так просто из озорства.

А может быть, даже ещё хуже. Потому что ясно: связь между сосульками и остальным миром есть. И не исключено, именно от того, целы ли сосульки, будет зависеть всё вокруг? Сбил сосульки – и сломал не прибор, не источник информации, а саму погоду!

Не надо думать, что мы доподлинно знаем, что или кто управляет миром. Он слишком сложен, он прошит многочисленными связями. Их во много раз больше, чем даже самих предметов, вещей, которые нас окружают.

Но если так, стихия может не только наказывать. Она должна оставить за собой право на сюрпризы, на подсказки, на игру, в конце концов.

* * *

Я запомнил раннее утро в середине августа. Шли уже девяностые. В поездку на самый север Нижегородской области мы отправились вместе с моим другом Дмитрием, тогда ещё студентом-историком. В тот год так сложилось, что в наших поисках мы прошли в жару и под дождём сотни и сотни километров Лесного Заволжья. Мы стоически перенесли безденежье, в холод грелись в палатке. Мы вместе удивлялись увиденному и переписывали в тетради рассказы стариков и статьи из альбомов сельских библиотек.

* * *

Уже стояли прозрачные и холодные дни – самый исход лета, когда пахнет прелой листвой, когда ночи безысходно черны и зябки, когда темна вода прудов и рек и уже больше не манит даже просто к ней подойти. Лето кончается. Его жалко. Но с этим уже ничего не поделаешь.

Мы вышли из ночной электрички, как раз когда забрезжил рассвет, в таёжном посёлке. Идти до деревни, куда мы собрались, было больше часа. И дорога знакомая. Поёжившись от холода, зевнув, мы двинулись вперёд.

Спустя минут сорок тайга расступилась и открылось одно из ополий.

Поднималось солнце. И перед нами на склоне оврага поблёскивали крыши и окна деревенских домов. До деревни оставалось с километр. Людей в деревне видно не было. Да какие собственно люди в половине пятого утра? Все ещё спало. Молчали даже петухи и собаки.

Мы шли к деревне, которая потихонечку приближалась и разворачивалась перед нами справа от дороги. Над её домами шумела желтеющая листва...

– Стоп, – сказал я, остановился и откинул капюшон штормовки. – Я здесь ходил уже несколько раз. И этой деревни не было.

– Серьёзно что ли? – посмотрел на меня Дмитрий и тоже остановился.

Но деревня была. Мы отчётливо видели её. Дома как дома – не хуже и не лучше других. Деревянные. Пристроенные к ним рубленые дворы. Баньки...

– Может быть, мы что-то путаем?

Я махнул рукой, и это означало, что надо идти вперёд, а там будет видно.

Ещё минуты три деревня продолжала маячить на склоне оврага. А потом – словно растаяла. Ветер всё также шевелил там ветви старых деревьев. Но домов, заборов под ними уже не было. Кусты, трава – всё...

– Нет, если бы я видел это один, мне бы никто не поверил. Бред какой-то, – сказал Дмитрий.

Мы подошли к оврагу совсем близко. И убедились ещё раз – никаких признаков деревенской улицы.

Оставалось философски заметить: в жизни бывает всё. А уж в этом краю, куда мы приехали, такое приходилось слышать... Мы свернули вправо. И на холме перед нами обрисовались знакомые контуры рощи.

Мы уже знали, что в эту рощу по определённым, известным для посвящённых дням слетаются, пережившие не одно тысячелетие древние боги. Что в старых корявых берёзах рощи живут души умерших и ещё не родившихся людей.

Несколько дней спустя в посёлке нам подтвердят: не мы первые и явно не мы последние, кто видел эту деревню. Ничего особенного. Она марийская и раньше как раз тут стояла. Только потом люди снялись с места и перевезли дома километра на два к востоку – в Большую Кувербу.

Потом, через пару месяцев, я увижу эту деревню на карте в одной из организаций, где мне придётся работать с документами. Это будет карта километрового масштаба с грифом «Секретно». Увижу и даже не удивлюсь: всё точно – эта деревня! И улица по краю оврага имеет чуть заметный излом к югу, и пруд внизу (он цел!). Та карта была отпечатана в самой середине XX века. Но известно: топографы иной раз запаздывают обновить информацию, так что, может быть, они отразили чуть более раннюю реальную картину.

* * *

Но зачем людям показывается несуществующая деревня? Чего она хочет?

Что хочет прошлое, возвращаясь к нам? Или оно не возвращается, а просто живёт возле нас – но в другом измерении? Как ушедшая под воду океана Атлантида: корабли проходят над её домами и храмами и кажутся единственной реальностью. Но может быть, под водой есть реальность другая?

* * *

Лесное Заволжье живёт в современном, вроде бы, хорошо для нас понятном русском мире. Оно говорит на языке, который ясен каждому. Здесь видишь привычные административные контуры: администрации пишут бумаги и принимают посетителей, потребсоюз торгует, пазики совершают предусмотренные расписанием рейсы, школы учат.

* * *

Я искал в этом краю какую-то архаику. Для этого внимательно вчитывался в строки библиотечных самодельных альбомов о прошлом деревень и сёл, шёл знакомиться со школьными музеями.

Увидел ли, прочитал ли я что-то особенное?

Нет, пожалуй. Дореволюционная история – это несколько строк скороговорки, из которой невозможно понять, сколько лет самым старым марийским деревням и что там раньше было.

А что было дальше?

Ну, вот для примера несколько деревень в Воскресенском районе и то самое Большое Поле, где нам принесли банку молока и рассказали удивительную историю вроде бы не из нашего времени.

Я записал фамилии здешних марийцев: Винокуровы, Лопатины, Лапшины, Опековы, Сергеевы, Щелкуновы, Романовы, Лазаревы, Минутины, Смирновы, Цветковы, Бутылкины... Большинство из них живёт в Большой Юронге: около восьмидесяти человек. Другие деревни меньше. А вот в Нестерине остался один житель, возвращающийся туда на лето.

Советские семьдесят лет, вроде бы, недалёкие – рукой дотянешься – стали историей.

В 1929 году Большую Юронгу передали из Вятской губернии в Нижегородскую область. В деревне действовало крестьянское общество взаимопомощи, вскоре организовали колхоз «Победа», куда вошло поначалу 19 хозяйств. В Ошараше колхоз «Революционер» был образован раньше – в 1928 году. В Кузнеце (по-марийски деревня называется Апшатнер, что означает «кузнечная речка») название колхозу придумали, можно сказать, в тему: имени Молотова. В Нестерине – «Свобода», в Большой Юронге – имени Будённого.

В начале тридцатых в тайге орудовали бандиты. Ужас наводила своей жестокостью банда Ивана Романова: в тёмное время люди в избах не зажигали свет, запирались. Зло-

деи поджигали лес, расправлялись с активистами Советской власти, на глазах всей деревни могли запалить их дома и, угрожая оружием, не давали тушить. Преступники врываются в избы, забирали хлеб, продукты. Потребовалась операция по ликвидации банды. В Кузнецке мне рассказали то, что передают из поколения в поколение: как устраивали в деревне засаду чекисты, как ждали бандитов на лесных тропах и прочёсывали тайгу. Когда Романов был убит, чтобы успокоить население и убедить, что с бандой покончено, его труп привозили в деревню на телеге.

Вообще, рассказы про разбойников – это то, что можно услышать очень во многих деревнях. Много забывается, а такое – нет: это местный вестерн, самые яркие события прошлого. Но жутковато становится, когда слышишь о бандитах от живых свидетелей событий. Обычный вариант: разбойники – добрые, бедных не грабили, и всё это было давным-давно.

Марийские колхозы успешно развивались, но война их привела в упадок: урожайность зерновых и льна резко снизилась. Районная газета в 1942 году накануне сева напечатала о колхозе «Революционер» статью «Вывести на пашню сильного коня». В хозяйстве осталось восемь лошадей, из которых одна «ниже средней упитанности, остальные семь – истощённые», они болели. Но ситуацию удалось улучшить. Вскоре газета писала: «Лошади у наших пахарей Самотехина Ф.В., Смирнова Д.Т., 14-летнего Пупырёва А. и некоторых других чистые, без царапин. Во время полевых работ подкармливаются в борозде. В обеденный перерыв и после работы обмываются холодной водой и чистятся щётками. Хороший уход пахарей за конями обеспечивает высокую выработку на полевых работах». Девушки строили по берегам Волги оборонительные линии. А тётя Зина Бутылкина из Кузнецка рассказывала мне, как много месяцев провела на добыче торфа: «Холодно-то как было, да по пояс в болоте в этом стоишь. Вот я и болела с того». Колхозники собирали деньги из своих скудных заработков на постройку самолётов эскадрильи, названной в честь земляка Валерия Чкалова.

В 1955 году все хозяйства объединились в колхоз имени Хрущёва, потом он стал носить имя Будённого. Только в конце пятидесятых в этих деревнях появилось электричество – стала работать колхозная электростанция.

Колхоза больше нет. За дворами – недалеко от завалившейся деревянной церкви завалившаяся ферма и машинный двор со ржавыми остовами техники.

В Большом Поле есть школа, хоть и говорят, что скоро её закроют: учеников около пятидесяти. За детьми по утрам будет приходить автобус и увозить их за 25 километров в село Воздвиженское. Там школа большая. Областные власти объясняют: так дешевле, чем держать маленькую.

Но пока школа ещё есть. В её двух деревянных зданиях уютный запах тёплых брёвен: такой бывает только в больших, чистых деревенских домах. Один из классов отдан под музей. Его создавала вместе с учениками приезжая учительница математики Лидия Ревотас. Ей передали домотканую вышитую одежду, утварь, старые фотографии. И она сделала альбомы о каждой из деревень.

– Если школу закроют, я договорилась с районным краеведческим музеем, – говорит Лидия Ревотас. – Там всё сохраняют.

Туда же она передаст самую дорогую реликвию, которую просто так никому не показывают. Это письмо, его в 1967 году прислал сюда детям Гагарин: «С большим удовольствием прочитал ваше письмо, в котором вы рассказываете о своей учёбе. Большое вам спасибо за внимание и честь, которую вы оказываете мне, называя свой отряд моим именем. Ваше доверие постараюсь оправдать хорошими делами».

* * *

Наверное, о многих деревнях в Центральной России можно написать почти подобную историю XX века. С укрупнениями и разукрупнениями, с переименованиями. И с чем-то непременно удивительным и редкостным.

Но это будет словно бы история плавания на корабле по поверхности моря.

А что внизу?

Преыдущий мир был финно-угорским. Те, кто когда-то населяли Лесное Заволжье и безраздельно им владели, – с их культурой, с их языком, с их верой – исчезли, растворились несколько веков назад. Остались, кажется, осколки – несколько десятков деревень, где живут марийцы. Впрочем, чужие люди, которые не знают, что живут там именно марийцы, об этом сейчас даже не догадаются. С ними, при них там будут говорить только по-русски. Не для того, чтобы ввести их в заблуждение, – скорее, чтобы люди понимали: тайн от них нет. Хотя получиться в итоге может совсем обратное: от них что-то невольно скроют. И оставят для себя.

* * *

Преыдущий мир был не таким, как наш: с другими ценностями, с другой душой.

Если и остаются его следы, то они обречены на то, чтобы служить только для музея, для памяти. А вот осколки ещё сверкают своими гранями, и, наверное, их можно собрать, соединить, радоваться им, жить около них.

Учебник по истории Нижегородской области для школьников, изданный в девяностых годах, авторы, открыли разделом под названием «Изначалие». Как следует из такого заголовка, начинается здешняя история с того, что в этот край, на Волгу, пришли славяне и основали Городец: 1152 год.

А что – тут никто до них не жил?

Да нет, друзья, объяснит учебник. Жил.

Обратите внимание, самая первая глава – археологическая: да, в самом деле, были разные племена, разные первобытные люди, кое-где оставили нам черепки своей посуды и пресловутые орудия труда. На настоящее «изначалие» эти люди, конечно, не тянули. Видимо, были ещё дикие?

Замечено, в большинстве провинциальных музеев археологические отделы – самые скучные и бессвязные. «Орудия труда» очень сложно представить себе в деле, и, наверное, сотрудники музеев это тоже не объяснят и не покажут. И лежат вперемежку на витрине каменные топоры, медные украшения, какие-то похожие на чешуйки монеты рядом с написанной крупными буквами галиматьёй про первобытнообщинный строй. Мы захотим знать, не наши ли прямые предки делали это своими руками? Как они жили? В кого верили? Был ли их язык похож на наш? Нам в ответ начнут сыпать названиями археологических культур и, путая тысячелетия, перечислять «стоянки древнего человека».

Хорошо, про культуры мы слышали. А вот ещё вопрос. Итак, приходят славяне... Так древние люди к тому моменту уже куда-то ушли? Или их прогнали? Если новые и старое население встретилось и решило жить вместе, то возможно ли такое и как это произошло?

Между прочим, это совершенно несправданные вопросы.

И пока мы не ответим на них, понять, кто такой Керемет и можно ли чужому человеку ходить в рощу, просто невозможно.

* * *

Сколько раз я пытался представить себе жизнь этих людей.

Заманчиво придумать героев, принадлежащих другому времени, дать им звучные имена, поселить их в древнем укрепленном городище. Например, городище культуры. Они очень хорошо описаны археологами. Ну, и пусть охотятся себе на медведя, на рысь. Пусть любят женщин. Пусть обороняются от коварных соседей, которые, похоже, сами не поймут, что им нужно, а вот лезут и лезут. Заманчиво привести героев в святилище, куда явятся к ним их боги выслушать просьбы, принять подарки. Заманчиво придумать для них песни – похожие на руны «Калевалы». Пусть вспомнят они один из главных дней своей жизни – день инициации, когда род впервые принял их как мужчин, прошедших страхи и испытания, посвященных в тайны. Представить себе – и дать волю фантазии, придумать сюжет, рассказать его.

Но нет, я не смогу восстановить жизнь людей по черепкам глиняной посуды, не знавшей ещё гончарного круга, по проржавевшим наконечникам стрел, по звонким женским подвескам. Она не откроется мне – ясно и определённо – в древних сказаниях, которые темны, монументальны, полны архаической многозначности во всём. Не смогу... Тогда – зачем?

Надёжней говорить о том, что знаю, что видел, что понял.

* * *

Все гуманитарные науки – это не что иное как память о тех, кто ушёл. Изучая культуру, мы пытаемся понять, чем жили сотни поколений до нас. Язык – это то, в чём отложились напластованные тысячелетия человеческого общения: людей давно нет, но это они дали мысли форму, это их древние понятия об окружающем мире мы пытаемся приспособить для своей, новой жизни. Литературоведы, музыковеды изучают то, что читали и что слушали люди ушедших поколений: без этого бы не состоялось настоящее. Этнографы, осмысляя современный быт, обнаруживают в нём невероятную древность: оказывается обыкновенный резной наличник с весьма абстрактным, на первый взгляд, орнаментом, ведёт свою историю от древних представлений о мире – мастер, сам того не понимая, вырезал контуры тех фантастических существ, которые, как считалось, оберегают дом. Про историю и говорить особо нечего: её предмет – прошлое.

* * *

И вот наталкиваешься на то, как сотни поколений финно-угров Поволжья с их бесконечно длинным прошлым припечатал мэтр исторической науки Сергей Михайлович Соловьёв: «Жили они когда-то – вот и всё, что может сказать о них история».

Всё?...

Мне трудно вспомнить более ярко выраженный учёный снобизм историка. Доходящий, пожалуй, до отрицания тех ценностей, которыми жива его наука, – эфемерных, но от этого не менее значимых.

«Финны могут ли быть почтены народом, входящим в состав гражданского нашего общества? Нимало: это волчцы и дикие травы, растущие по нивам, заселённым животворными хлебными растениями», – рассуждал историк и писатель первой половины XIX века Николай Полевой. Себя он, конечно, считал представителем «животворных растений». А библейское слово «волчцы» не просто означало сорняки – от него веяло ужасом сакрального

проклятия, опустошения. Нижегородский учитель словесности и публицист конца XIX века Александр Мартынов в одной из статей желал, чтобы скорее наступило время, когда каждый из нерусских народов Поволжья «совершенно сольётся с великорусским и след его исчезнет». «Жаль следа исторических народов, оставивших памятники письменности и искусств: когда же подобные, упоминаемые нами, народцы, почти полудикие, поглощаются сильнейшим и более образованным племенем – жалеть тут не приходится».

Хорошо, положим, что так.

Но тогда получится, что «сильнейшие» и «образованные» будут ближайшими потомками «полудиких». Это возможно? Это никак не испортит «исторический народ», такое «поглощение» не приведёт к его деградации?

Полагаю, что для автора ответ был понятен. Но тогда пресловутый «исторический народ» совершенно неизбежно усвоит не только то, что учитель словесности связывал с цивилизацией. В его крови обязательно будет опыт его генетических предков, он впитает, хоть и как-то по-своему, их представления о мире, их ценности. И страшным грехом будет рассуждать о высоте культуры собственных предков. И вообще, у кого в арсенале припасены шаблоны для измерения этой высоты? Ведь наша жизнь – это материализованный итог прошлого.

Так какой же была эта встреча, происшедшая несколько веков назад в Лесном Заволжье, – двух разных миров, двух пониманий жизни, двух потоков культур?

Во всех случаях, эта встреча должна была лежать у истоков современной русской культуры и государственности. Потому что новая культура великого народа создавалась, зрела на просторах Северо-Западной Руси, на новгородских и псковских землях, в Нижегородском Поволжье и в Поморье, вбирала в себя то, чем эти края были богаты, чтобы заявить о себе миру в XVIII веке, в канун Пушкина.

Раз прошлое является нам, значит, оно что-то хочет.

А боги Лесного Заволжья никуда не могли деться. И даже если о них помнит не каждый из жителей этого края, это не означает, что они его покинули.

Силы леса

*Уже не помню, почему
Я полюбил деревья эти.
Они как дырочки в кларнете:
Невинны, но ведут во тьму.*

Игорь Чурдалёв

Есть простой, но удивительно дельный совет. Если вы чего-то не понимаете и хотите разобраться, идите к людям. Обязательно найдутся такие, от кого вы узнаете что-то новое и важное.

* * *

Идти к людям – означает ехать в Лесное Заволжье. Ещё, конечно же, – идти в библиотеку. Потому что общение с книгами – это тоже общение с людьми.

* * *

Четыре часа езды в электричке – и вы в городе Шахунья, самом большом в Лесном Заволжье.

Конечно, на первый взгляд, искать здесь нечего. Город был построен на совершенно пустом, необжитом месте в 20-х годах XX века. Между Нижним Новгородом и Вяткой требовалась серьёзная опорная станция с депо. Отсчитали нужное число километров и принялись прокладывать пути и строить бараки, засыпая болота. Город этот кажется приезжему человеку не особенно уютным, весной в нём долго бывает сыро, зимой его засыпает снегами, никакой интересной старинной застройки, даже рубленых изб с красивыми наличниками. И если вы занимаетесь этнографией, то в Шахунье должны ценить разве что вокзал: вы приехали сюда, и можете сесть в автобус, который отвезёт вас куда-то дальше, в деревни, вглубь тайги.

Но город – это люди. И они могут принести с собой сюда откуда-то необычные воспоминания.

* * *

Мне посоветовали в Шахунье сходить к очень пожилому человеку – почётному железнодорожнику Ивану Васильевичу Шкаликову. Он бывший машинист, а машинисты – это традиционно самая-самая элита на транспорте, интеллектуалы, люди, которые интересуются очень многим.

Шкаликов писал очерки об истории железнодорожного узла – он, так уже получилось, приехал из Нижнего Новгорода с родителями в Шахунью, когда станция ещё только строилась, и всё прошло у него на глазах. В войну Шкаликов водил здесь поезда с военными грузами – и об этом он тоже мне рассказал. На линии от Кирова до Нижнего Новгорода помнит каждую мелочь, каждый пикет.

Это, конечно, очень хорошо. Но железная дорога вряд ли проходит по таким местам, которые сейчас меня интересуют. Они, скорее всего, скрыты от глаза где-то в глубинах тайги. Может быть, Иван Васильевич о них что-то слышал? Вот о чём я его спрашивал.

Шкаликов, как оказывается, прекрасно понял мой вопрос и просто подводит дело к ответу.

* * *

– Я знаю такое место и видел его много раз. И вы его видели, если ехали на поезде в сторону Кирова и смотрели в окно справа.

Около перегона Тоншаево – Пижма была такая деревушка Ирга. По-другому в народе её ещё называли Раздеря. Сейчас уже всё... А вот лет сорок назад дома стояли, марийцы в них жили. Тогда и услышал легенду о том, что происходило недалеко от этой деревни.

Давно-давно жила в тех местах девушка – статная, скромная, красивая. Звали её Ирга. Жила она вдвоём со старым дедом, сама на охоту ходила. Глухарь, рябчик, барсук – для неё ерунда. На самого хозяина леса хаживала с рогатиной. Метко из лука стреляла, острой, топором орудовала не хуже всяких мужчин. Лес знала как свои пять пальцев. Лесом и кормилась, деда своего кормила.

Однажды разгорелась в деревне гулянка. Ирга и тут себя показать смогла: плясала, песни пела как никто. В разгар гулянья из лесу прибежал мужик.

– Братцы, солдаты идут близко! К речке подходят! Всем ведомо, зачем идут солдаты – хватать мужиков, кто царского указа ослушался.

«Что будем делать?» – закручинилась деревня.

– Вот что, мужики! – вступила в разговор Ирга, – милости от царёвых солдат не жди – подите-ка в лес. Да скорее, а мы вас не выдадим.

Послушались мужчины и только успели скрыться в лесу, как показались солдаты, усталые, злые. Потребовали яиц, молока, мяса, а старший к допросу приступил. Выступила вперёд Ирга:

– Не знаем мы, куда мужчины ушли. Лес велик, ищите.

– Вы не знаете – мы знаем. Завтра ваши мужики будут здесь, а мы вас плетью запорем. Смекнула Ирга, что видели солдаты, куда мужчины могли уйти.

Стемнело – выбралась в лес. Разыскала своих, велела им подальше уходить. Возвращалась уже под утро. Тут её и схватили часовые. Крепко сопротивлялась Ирга, да силой её одолели. Капрал посадил Иргу под замок, стал голодом морить. Сам – в лес с солдатами своими. Конечно, никого не нашёл. Понял, что Ирга предупредила всех своих, крепко обозлился. Уж и пытал он Иргу, и бил плетью. Ничего не сказала девушка, тверже железа стояла. Горько плакал, стоя в сторонке, старый дед.

И тогда подвели Иргу к сосне и повесили на ней.

Пошёл дед в лес, долго плутал, да всё же обнаружил земляков, рассказал им об издевательствах над Иргой. Гневом воспылали мужики.

– Это она за нас смертушку лютую приняла – отомстим солдатам!

Схватились мужики за луки, за топоры, устроили засаду. Крепко бились с солдатами – у тех оружие, у них – ярость и гнев. Не ушёл и капрал-издеватель от возмездия. Немногие солдаты сумели спастись. А Иргу бережно сняли с сосны, похоронили всем селением. И сосну, на которой повесили Иргу, поклялись хранить.

Сосна стояла до наших дней. Железную дорогу строили – её пилить должны были, она в полосу отвода попадала. К инженерам пришли местные жители – уговорили сосну сохранить. Вторые пути прокладывали, тоже сосну обошли. И я её помню на 703 километре. Упала она от старости.

Так ли было, нет ли, а народное предание о смелой девушке живёт.

Шкаликов сделал паузу. И завершил рассказ: нет уже того дерева. Но осталась поляна около него, и лесом она не зарастает. Значит, люди приходят туда из соседних деревень косить траву. Конечно, есть у них покосы и поближе. Но этот – особый. Он помогает беречь место. Только не покоси пару лет – над ним сомкнётся тайга. И ещё – как полагается по обычаю – в обед люди помянут добрым словом предков.

* * *

Спустя два года предание об Ирге я нашёл в рукописи краеведа из посёлка Вахтан Павла Севастьяновича Березина. Этот человек, бухгалтер местного канифольно-экстракционного завода, записывал то, что рассказывали в Лесном Заволжье старики, с двадцатых годов.

«Давно это было. Даже наши деды не помнят, когда, а рассказ идёт из поколения в поколение. Один раз с реки Ветлуги по направлению к нынешнему Тоншаеву проходил какой-то отряд, иные говорят, разбойников, а другие – карателей каких-то. Попал он в первое от Ветлуги поселение среди глухого леса в трёх верстах от старинной дороги на Царёвосанчурск. Но ней, говорят, ещё рать Ивана Грозного на Казань шла. Теперь там уж никто не живёт, только поляна сохранилась, на которой стоит старая-старая сосна. Сохранилась поляна потому, что её косят, а иногда даже пашут и сеют здешние мужики...»

История, рассказанная Павлу Березину, была с другими деталями. Упоминался там не дед, а старик-отец девушки. И говорилось про замечательного юношу-охотника Одоша, который любил Иргу, да не оказался в деревне в тот печальный день – был в тайге на промысле.

«Проходило одно столетие за другим. Давно заросла лесом брошенная деревня, осталась только поляна, а посреди неё старая сосна. За поляной так и сохранилось название Ирга в память о девушке. Когда в 1913 году вели железную дорогу, рабочие-марийцы не тронули старую сосну, хотя она входила в полосу отчуждения. Руководитель работ инженер Фойхт настоятельно требовал её срубить, но марийцы рассказали ему старинное предание, говорили, что сосна – памятник девушке, которая погибла от рук разбойников и спасла людей. Её берегут из поколения в поколение. Инженер согласился сместить полотно дороги и оставить сосну. Так она и стояла до 1943 года, пока её не выворотила с корнем буря. Но место, где она была на перегоне Тоншаево – Янгарка, помнят. Берегут имя Ирги. Так народ хранит память о героях, её не сотрут века».

Родственники Павла Березина дали мне почитать его записки. И рассказ стал обрастать деталями.

«Предание о гибели Ирги не давало мне покоя. Я был убеждён, что в его основу было положено какое-то событие, поэтому и приступил к изучению прошлого этого края».

Впервые в 1923 году Павел Березин пришёл на ту самую поляну, когда узнал новость. Рядом был карьер – брали песок, чтобы выравнять насыпь. И рабочие наткнулись на могильник. Вызванные из Нижнего Новгорода археологи подтвердили догадки – глиняные горшки, медные котелки, железные ножи, кинжалы, женские украшения были типичны для марийского средневековья. Здесь, и правда, находилась деревня.

А в сороковых годах Березин познакомился со старым дорожным мастером Иваном Носковым, который жил на станции Тоншаево. Оказалось, тот в 1913 году рубил в этом месте просеку под будущую железную дорогу. В основном бригада состояла из марийцев окрестных деревень.

«Они оставили несрубленной одну старую сосну, попавшую в полосу отчуждения, – писал в своём дневнике Березин. – Инженер Пётр Акимович Фойхт при осмотре работ на

Иргах обратил внимание старшего рабочего Носкова на огромную сосну. Подозвав рабочих-марийцев, рубивших лес, он приказал немедленно срубить дерево. Марийцы же замешкались, о чём-то оживлённо заговорили между собой по-марийски. Затем один из них, по-видимому, старший артели, наотрез отказался выполнить приказ инженера, заявив, что под сосной давно была похоронена марийская девушка, которая сама погибла, но спасла много жителей бывшего здесь поселения. И эта сосна хранится как своего рода памятник погибшей. Фойхт попросил марийца более подробно рассказать о девушке. Тот выполнил его просьбу. Внимательно выслушав рассказ, инженер приказал сосну оставить».

* * *

Сколько лет может отделять нас от события, которое случилось где-то в самой глубине тайги? Ботаники пишут о том, что старые сосны в нашей тайге живут до 400 лет, но известны и такие деревья, возраст которых достиг 580 лет. Значит, это, например, вторая половина XVI века? Это время, когда в Лесном Заволжье шли Черемисские войны. Их было четыре. И историки до самых последних лет обходили их вниманием. Ведь происходили события как бы на периферии России небольшими локальными очагами. Без масштабных битв тянулись войны около 30 лет, а документов о них сохранилось очень немного. Солдаты, разбойники – они могли появиться в этих местах именно тогда. И если это были московские ратники, могли ли они разобраться, кто перед ними – мирные охотники или «повстанцы»? Ведь если люди организованно с оружием ушли из деревни в лес, не замышляют ли они что-то недоброе?

* * *

Чужие люди никогда не узнали бы об этой сосне, не увидели бы её, если бы тайгу здесь не прорезала, не раскрыла в начале XX века просека строящейся железной дороги. И это была величайшая случайность, особенно, если учесть, что проектов дороги предлагалось несколько.

Итак, марийцы берегли дерево, берегли место, когда дерева уже не стало. И они не просто приходили сюда косить траву – они поминали предков. Значит, это место правильно считать священным?

Так, может быть, тот самый «куст» – это такое же священное место?

А что может таить тайга, глубины которой не раскрыла дорога?

* * *

В Тоншаевском районе я познакомился в начале девяностых годов с Вячеславом Тёркиным. Это хорошо известный в тех местах человек. Сейчас он построил себе дом в самом Тоншаеве, а тогда жил в деревне Письменер.

Фамилия его может показаться кому-то русской. И очень знакомой. Какие ассоциации она у всех вызывает, объяснять не надо. Один раз, когда спустя несколько лет мой тоншаевский знакомый приехал в Нижний Новгород вместе с двумя племянницами и должен был петь на концерте, я заманил снимать его фотографа из газеты. Повод объяснил просто: в город приехал сын Василия Тёркина.

– Как? – не поверил фотограф. – Разве Тёркин был на самом деле?

Первым делом он аккуратно спросил у нашего гостя отчество.

– Васильевич!..

Фотографу не стали объяснять, что Василий Тёркин – отец Вячеслава – в войне, в самом деле, не участвовал: он был тогда ещё слишком молод.

Окончательно убедила фотографа гармонь в руках Тёркина. Это был, конечно, он.

Но фамилия у моего гостя была именно марийская и в Тоншаевском районе все её носители – марийцы.

В Йошкар-Оле вышла в 1995 году толстая книга профессора Семёна Черных «Словарь марийских личных имён». Взятые они были не откуда-нибудь – из письменных документов прошлых веков, где перечислялись владельцы имён с указанием их деревень. Имен Черных насобирали больше 23 тысяч. В их числе Терек, от которого и происходит «Тёркин». Означает имя – «опора», «живой» и, судя по всему, взято марийцами из тюркского обихода. Человек с таким именем известен, например, по документам 1722 года, где точно указано, что он «черемисин». А что имя позаимствовано у соседей, так это привычное для любого народа дело. У русских, например, тоже очень немного имён собственно славянских – чаще греческие, еврейские, латинские.

Начинал Вячеслав Тёркин как часовщик. Однако его рукам привычна не только маленькая отвёрточка, но и плотницкий топор. Работу с деревом надо очень любить, иначе так, как у Тёркина, не получится никогда. Украсил он резьбой свой дом, украсил навес на автобусной остановке, украсил сельский клуб. Стал в этом клубе работать – учит молодёжь старому ремеслу плотника, поёт и с детьми, и с ровесниками, и со стариками знакомые ему с ранних лет марийские песни – это чтобы не забылось. У Тёркина дома – целый шкаф книжек и вырезок о марийской культуре. И целый шкаф старинных костюмов. Она изумительно бела, эта одежда из толстого домотканого холста. По ней – чёткий и яркий орнамент вышивок, поблёскивают монеты.

Первые костюмы, которые получил когда-то Тёркин от родственников как ненужные, он восстанавливал неделями. Отстирывал, зашивал дырки, укреплял швы. Вместо пропавших монет на несколько женских костюмов он пришил тогда маленькие блестящие часовые циферблаты – никто и не замечал такой подмены.

А про вышивку он может рассказывать долго и увлечённо. Вышивка – как письмо старательной девушки потомку, только надо уметь его прочитать. В каждом орнаменте обязательно есть значки тамги – родового символа, которым метили и всё в доме, и орудия для работы в поле, и межевые знаки, и даже вырезали их на бревне-памятнике над могилой. Так мы узнаём, какой семье вышивка принадлежит. А дальше особенности узора расскажут, что думала девушка о своей жизни, о женихе. Только внимательней, внимательней...

Однажды весной я попросил Тёркина выбрать день и сходить со мной вместе в тайгу, показать места, которые связаны с марийцами. А я бы подстроился под него и подъехал, хоть и неблизкая дорога. Шёл ещё апрель – комаров и мошкар с лесу не было: самое время туда сходить. И Тёркин назвал день.

* * *

Мы ушли в лес по дороге, по которой, чувствуется, когда-то давно ездили. Но теперь между колеями уже тянулся вверх молодой подрост деревьев.

Заросла кустами и улица в деревне, где мы оказались минут через двадцать. Она называлась Пурнёнки. Стояла на краю тайги, не так уж и далеко от дороги, ведущей из посёлка Тоншаево на край района – в тупик, в село Вякшенер, где всякие твёрдые пути кончаются и дальше только лес. Там уж как повезёт: можно не сбиться с тропы и выйти в Кировскую область.

В Пурнёнках я насчитал 12 домов. Пустые глазницы окон. Островами – мощная, прущая что есть силы из-под земли крапива, лопухи. А крапива растёт не просто так. Она – если

по науке – относится к рудеральной растительности и чётко обозначает следы хозяйства, следы человека. Забор. Калитка. Можно открыть, и она не упадёт, удержится ещё на петлях. Но во двор не войти: крапива выше человеческого роста.

Значительная часть собрания старинной одежды, которое хранится у Тёркина, – вот из таких домов.

В Пурнёнках он зашёл в своё время в каждый. Кроме Пурнёнок, были Крутой, Богатыри, Арба. Он и там обследовал покинутые дома, и не дал пропасть тому, что когда-то окружало людей. Вот Землешер, Кугонер, Орехово – это уже всё... Дома там давно упали – крапива, кусты, догнивающие брёвна. Над полянами постепенно смыкает кроны тайга: скоро они потеряются в ней – привычное дело: столько в ней за века всего исчезло.

Одно из воплощений ужаса для меня – покинутый дом. Покинутый совсем, давно, безнадежно.

Мы с Тёркиными зашли в несколько домов. Раздвинули крапиву, скрипнули тяжёлой дверью... Стол, лавка, посуда, несколько битых горшков на полу, потемневшая печь. Нежилая сырость. Поэт заметил: «Живите в доме – и не рухнет дом». Но не всё так просто. Дом и вещи переживают людей. Боже мой, фигня какая-то незначущая – ложка алюминиевая, галоши, разумеется, порванные – вот они! А людей нет. И никого уже ни о чём не спросишь. Какая-то страшная в этом несправедливость.

Но они же, эти вещи, последняя весточка от тех людей. И ведь их (и вещей, и людей) может не остаться вовсе, если дом сгорит. Ну заночуют в нём какие-нибудь бродяги и разведут огонь погреться...

Тёркин показывает: вот в этом углу лежал женский костюм с красной накладной вышивкой, про который мне говорилось сегодня утром. Он отсырел, он не продержался бы долго. А дома в Пурнёнках стали пустеть уже в конце пятидесятых. Последние люди съехали лет двадцать до этого нашего с ним визита сюда. Наверное, от того, что жутковато жилось одним в этой уже по сути пустой деревне. Ночами прислушивались они к шуму веток, к вою ветра, к стуку чужих калиток. А во всех старых деревянных домах обязательно слышны ночью необъяснимые звуки – шелесты, скрипы. От этого кажется, что дом живёт своей жизнью.

И ещё – в таких домах, в таких деревнях меня неотвязно преследует чувство, что на меня кто-то смотрит. То ли из темноты изб, то ли из-за ворот, из глухих кустов. Я почти ловлю на себе его внимание, оборачиваюсь – и никого не нахожу перед собой. Но душу одолевает в такие минуты робость, говоришь шёпотом, чтобы что-то не потревожить, на разбудить. Это – как встреча двух миров, находящихся в разных измерениях: лишнее движение – и незримая преграда между мирами, между временами пропадёт. А так нельзя, потому что мы принадлежим своему миру.

Мы прошли мимо небольшой постройки примыкавшей к одному из домов. Амбар – не амбар: окна большие, пробив пол, тянутся вверх уже нетощие жердины осин. Дырявят собой потолок и шумят верхними ветвями над крышей. В глубине постройки на срубе стены висит перекосившийся шкафчик с открытыми дверцами. На полках – склянки с чем-то давно высохшим, полуистлевшие свёртки и просто уже непонятно что. Мой друг Дмитрий сделал как-то гениальное наблюдение: постепенно старея, все предметы в доме (как, впрочем, и еда в холодильнике) приобретают одинаковый цвет, запах и вкус.

Я приподнялся, чтобы лучше разглядеть то, что за окнами. И стал сворачивать к постройке. Но Тёркин остановил меня:

– Сюда мы подходить не будем. Здесь жил карт. Знаете, кто это такой?... Это человек, который ведёт службу в священной роще. Такой старик, который знает, какие надо говорить слова, что надо делать. И его просят, чтобы он собрал людей в роще, чтобы рассказал богам, в чём люди нуждаются... Да, вот в этом доме он жил. А сюда приходил. И здесь у него хра-

нились приношения для богов. Это был очень сильный карт: он многое мог – и лечить, и погоду делать, и порчу снимать. Всё тут так и осталось после него. И в доме этом осталась его сила. Она ждёт, кому бы достаться в руки. Вот если войдём туда или полезем в шкафчик, это будем мы. Но он ведь никого не успел научить после себя, всё знание с ним и ушло. Это что будет такое – сила, а умения ею распорядиться нет. Человек с ней не сладит, она одолеет его... Марийская вера – страшная... Простите нас, простите... Мы уж сюда и не ходим, мы уж вас и не помним, мы уж вам ничего и не дарим... Не передали нам вас. Но мы вас и не тревожим... Живите хорошо!.. Тут всё, в Пурнёнках, раньше было – богов, хозяев помнили. А место тут, у дома, было страшное – перекрёсток. Старики мне говорили – нельзя тут ходить, как темно. Всякое бывает. Тут такое видели... Люди в скотину разную оборачивались. Или вот идёшь тут деревней ещё – и вдруг уже не деревня, уже зашёл неведомо куда, как вернуться, не знаешь... Да что тут – об этом и говорить нельзя...

Серый амбарчик зияет почти чёрной глазницей окна: раму перекосило и стёкла уже выпали. В амбарчик – это видно – никто и никогда не заходил с того дня, как карта не стало, а было это в конце пятидесятих годов.

Он знал слово для старых богов. Один знал для них слово. А слово – такая штука: оно управляет миром. Если это правильное слово, оно не отводимо, ему подчиняется всё. И что все эти пузырьёчки и свёртки – без слова?

* * *

...Пурнёнки исчезают моментально. Мы отошли от них чуть-чуть, оборачиваемся, а они уже превратились в рощицу с густым подлеском, в который уводит едва ощутимая тропа.

Дорога по кромке тайги неспешна. В оврагах ещё лежит снег, ослепительно белый. Ручьи. Ярко-зелёные стрелы первой травы.

Через километр за поворотом открывается край ополья и царящая над ним роща Грозная.

Я уже давно усвоил, что марийские священные рощи неопасны для чужого человека, если он, конечно, умеет себя вести и чувствует себя в ней как в гостях.

А слово «куст», как оказывается, применительно к таким рощам при всём своем русском облике – просто-напросто искажённое марийское «кюсата». Переводится – «священный лес».

В Тоншаевском районе такие рощи часто называют «кереметями», «келеметями», а также «кереметищами» или «келеметищами». Я убедился: некоторые видят в этих словах что-то обидное – и для себя, и для священной рощи. Но слова эти всё равно надо привести, ведь они придуманы не мной, и что-то в них, значит, вкладывается. А я просто должен разобраться, что всё это значит.

Каждая священная роща у марийцев хороша по-своему. Но Грозная просто потрясает, кажется видением, миражом. Я видел её не раз – эти огромные ели, пихты словно вознесены над землёй на круто восходящий среди поля холм и, если ехать на юг района, после одного из поворотов дорога оказывается направленной строго на эту рощу, возвышающуюся впереди. На километровке я посчитал горизонталь – тридцать метров. Холм круглый. И в нём есть что-то невозможное. В голове не укладывается, как он возник. Нет следов реки, которая могла бы всё размывать вокруг него. Нет кругом каких-то других гор. Ну, нет...

– Чудо здесь было, – рассказывает Тёркин. – Прошлой весной в жару трава старая загорелась на холме. И огонь пошёл вверх. А ветер, ветер!.. Село Ошкаты – сами видите – не очень-то уж и далеко, ну с полкилометра. Я как раз в Ошкатах был. Мы увидели – бросились тушить. Но пока добежишь, пока что... Видно-то рощу хорошо, а до неё километра полтора. Пожарную машину вызвали. А ведь жара жарой, в поле-то грязь ещё... И огонь холм со всех

сторон опоясал, поднимается. Всё, думаю, сейчас до деревьев уже дойдёт, до нашей рощи... И тут ветер вдруг меняет направление. Я это почувствовал – словно холодом меня обдало. И огонь стал всюду стихать, стихать. Когда мы подбежали, уж и тушить было нечего.

Роща в Ошкатах – вечная. И невозможно подумать что-то другое, глядя на неё. Вероятно, много веков назад, здесь был сплошной, глухой лес. Земля под ним нещедра, но это всё равно земля – другой нет. Её освободили от чащобы. Но тронуть этот холм, лес на нём, парящий над равниной, никто и никогда не решился бы. И эта роща рождает у каждого стоящего на её краю чувство полёта над тайгой, над полями и дальними деревнями. Ею шумят верхние ветры.

Пройдя краем поля, мы опять ныряем в тайгу. Дорога – на заброшенную деревню Арбу – чуть поднимается вверх. И сама она такая же – заброшенная, зарастающая. Где-где проглянет из-под травы сырой послестаявшего снега песок. Свежо, а птицы поют так, как они поют только в апреле.

– Стоп, здесь свернём, – говорит Тёркин.

Собственно, непонятно было даже, куда он меня вёл. Я-то думал – в Арбу... Нет – другая перпендикулярная дорога, по которой мы пошли, уже чуть ощутима: давным-давно вдавленные в глубину колеи заросли мхом и травой, низким кустарником. А идём мы по самому гребню пологой, длинной горы, поросшей корабельным сосновым бором.

– Пришли. Вот смотрите...

Что смотреть?

– Внимательно смотрите... Видите.

Я начинаю ощущать еле заметные борозды, идущие вдоль этой уже теряющейся окончательно дороги. Валы и канавки – может быть, сантиметров десять, не больше. А сосны растут беспорядочно – то перекрывая могучим стволом длинное углубление, то вспарывая грядку.

Борозды эти – человеческих рук дело. Но они старше леса – сколько же им, почему они здесь?

– Люди ушли отсюда двести лет назад. Это была деревня Мусака. Вот тут по самому верху шла улица, были дома – так старики говорили. И случилась беда: люди здесь стали болеть, умирать. Один раз, когда взрослые были в поле и в лесу, девочка выглянула в окно и увидели эзрена. Вы знаете, кто такой эзрен? Это дух смерти. Он был весь чёрный, он тяжело дышал оскаленной пастью, у него светились глаза. И он высматривал людей. Девочка спрятала голову, чтобы эзрен не увидел её в окне, а потом выбежала во двор и затаилась в лопухах. Эзрен открыл калитку, заглянул в сени. Она поняла, что он идёт за ней. И сидела там – не дышала. А чёрный присматривался, прислушивался... А потом пошёл дальше.

Сколько там девочка просидела неживая-немёртвая, это уж сами представьте. Даже вечер уже настал, взрослые стали возвращаться – она ещё думала, люди ли это, выходить ли к ним?... И конечно, им сказала, как по деревне ходил эзрен.

А это – так в старину считалось – уже всё. Тут моления не помогут. За ночь вся деревня собрала скарб и уехала до рассвета. Двигаться решили на восток. Говорят, где-то осели между Яранском и Вяткой-рекой.

И зажили хорошо – болезни той больше не было. И потомки их там живут.

А люди сюда не ходили потом сто лет. Уж и дома все сгнили, упали, и заросло всё... Вот только сейчас, наверное, наши деды сюда первыми и стали появляться.

– Деревня больше никому здесь не видится?

– Нет, люди её не видят.

Я задрал голову и поймал взглядом вещь, к которой привык исключительно как к экспонату этнографического отдела в музее. К сосне на солидной высоте толстой проволокой была привязана долблёная колода с отверстием.

Неужели борть?

– Да, промышляют тут мужики, – кивнул головой Тёркин. – Кто, не знаю. Не особенно ведь говорят, кто зачем в тайгу пошёл.

Борть ещё дремала, но готова была пробудиться, ожить, наверное, уже в первый по-настоящему тёплый день. И этот сделанный из обрубка бревна дом для пчёл – всё равно был по сути своей домом, жилым домом, находившимся по эту сторону черты между бытием и небытием.

Жизнь Мусаки продолжалась. Она была странной, эфемерной, таила новые повороты. Мусака возвращалась к людям весёлым солнечным мёдом лесных цветов. А цветы эти тянулись вверх там, где двести, триста, четыреста, сколько-то там ещё лет назад люди смеялись, любили, играли с детьми, плясали легко и ритмично.

Жизнь на новом своём круге была расколдована, над ней больше не тяготели проклятия и заветные слова. Мусака, ушедшая в ту, кажется, безвозвратную даль, куда сегодня уходили Пурнёнки, на самом деле, никуда не ушла. Она уже успела забыть про эзрэна.

Люди взяли её когда-то у леса, а потом вернули ему. И сегодня следы деревни здесь можно найти только, если знать, где их искать – ничто не бросится в глаза.

* * *

«Леса заволжанина кормят», – писал Павел Мельников-Печерский. И роман, в котором я запомнил эти слова, он так и назвал – «В лесах».

Леса наполняют смыслом жизнь заволжанина. Они – начало и конец этой жизни.

Коренной житель Лесного Заволжья не боится леса. Он не рассказывает о тайге много: чужой всё равно почти ничего не поймёт, а своим – зачем?

* * *

В моей жизни наступил момент, когда со мной стали в этом краю говорить о лесе. Сейчас я понимаю, что дело было во мне. Собеседником, с которым что-то можно обсуждать, я стал после того, как вместе с моим другом мы пересекли безлюдный участок тайги – из района в район, из Шарангского в Воскресенский. Это был не туризм. Материал, который мы искали, надо было добирать на соседней территории. А денег было очень мало. Можно было поехать с двумя пересадками через соседние районы – получилось бы под триста километров и больше суток. А так – полсотни. Но по таким местам, где никто не живёт, под рюкзаками, со схемой лесных кварталов в руках.

* * *

Мы вошли в лес по знаменитой дороге под названием Ратная тропа. Рассказывают, что её проложили в XVI веке ратники Ивана Грозного, которые шли через тайгу брать Казань.

Двигались мы очень неспешно. В лесу набрали на старый вахтовый вагончик, дверь которого была припёрта палкой. Открывайте – и заходите: есть тут печка-буржуйка, есть соль, банка консервов, есть даже металлическая кровать. Мы пили воду из ручьёв. Палатку поставили в сосняке недалеко от речки Шклея. Ночью я несколько раз просыпался от хруста веток – и чувствовал себя неуютно. Да, утром соседняя малина была помята, а на влажном песочке отпечатались круглые медвежьи лапы.

Когда мы вышли из лесу по ту, воскресенскую, его сторону, нас спрашивали: а как там дорога у Кубов, не заросла ли? А старый деревянный мост через Юронгу? А много ли воды

в Шклее? По этой дороге ходят, но очень редко. Потому есть места, где всё заросло: вы идёте по старым колеям, нащупываете их ногами, но не видите и с трудом раздвигаете упругие кусты, которые вытянулись прямо на дороге.

Я лукавил бы, если бы сказал, что в лесу мне не бывает страшно. Что не бывает таких минут, когда кажется – всё, заблудился, потерял дорогу и назад, и вперёд. Но дорога всякий раз обнаруживается. И я без понимания отношусь к историям про теряющихся в тайге грибников-дачников. Не чувствуете лес – не уходите в него далеко и не обременяйте собой спасателей, волонтёров или ещё там кого.

Лес наделён разумом. Это знают заволжане.

Не только звери и птицы – деревья умны. Они могут подавать человеку знаки, а могут быть обидчивы и коварны. И чем больше я о них спрашивал в этом краю, тем больше становилось в моих тетрадах историй об удивительных отношениях людей и леса, людей и деревьев.

* * *

Вот пишу это и вспоминаю сейчас сказочницу Александру Васильевну Алексееву из совсем противоположного края нижегородских земель, из Большого Болдина. Фольклористы открыли её в конце двадцатых годов XX века. Причём открыли не только талант девушки-подростка Шуры Метёлкиной, но и её уникальный сказочный репертуар. В детстве нянчила её старушка. И оказалось, от неё Шура услышала все те сказки, которые в Болдине записывал от кого-то из крестьян Пушкин, причём очень-очень близко к тексту рукописей... Я гостил у Александры Васильевны, а она в тот день вышла в палисадник и ругала дерево: «Что же ты, дурак, как вымахал? Весь свет закрываешь! Для того тебя садили?...» Это я к тому, что среди деревьев бывают, видимо, досадные исключения.

* * *

Ещё деревья похожи на бронхи. Только перевёрнутые. Их именно так рисуют в учебниках по анатомии. И они, деревья, в самом деле, дышат. Или это ими дышит земля?

А тому, что они в массе умные и серьёзные существа, находится много доказательств. Они умны – до тех самых пор, покуда не стали дровами или мебелью. Они хранят память, думают и совершают поступки. Впрочем, возможно, поступки совершает кто-то другой с их помощью.

* * *

«При каждом доме черемисина вы найдёте сад из кудрявых берёз, дубков и рябины. От этого черемисская деревня всегда кажется красивой, уютной, опрятной и чистой, чем отличается от деревни русского мужика этого края», – заметил лет сто назад писатель Евгений Чириков. И между прочим, всё это правда и по сей день. В марийских деревнях редко встретишь раздолбанные колеи по улице – след огромных отечественных тракторов, творящих бездорожье и успешно его преодолевающих. Я видел в этих деревнях женщин в повседневной белой одежде. Например, вышедших из дома по хозяйству. И она именно белая – и всё тут.

Можно наткнуться посреди марийской деревни на старую берёзу, выросшую прямо на самом ходу, что называется. Её бережно объезжают. И никому в голову не приходит её спилить и спрямить путь.

Потому что знаете, куда в таком случае путь спрямится?..

Это целая культура, это целая система представлений о мире. О том, что он не делится на человеческий и враждебный человеку. О том, что он не подчиняется нам. Просто мы его часть. А часть должна знать своё место.

* * *

Лес кормит, лес греет, лес прячет, лес многое знает, но поделится он тайнами только с теми, кто его любит и понимает.

* * *

Сколько раз слышал в городе безумную поговорку: «Не кричи – не в лесу!» Лес – это место, где кричат?

* * *

– Ой, что вы, ходить надо молча!.. Нельзя кричать. И детям так говорим. Заблудился – остановись, подумай, и выйдешь. А кричать нечего, – марийцы, рассказывавшие мне про деревья, про лес, были категоричны. Ещё нельзя ходить по бурелому. Нельзя трещать ветками. Да и зачем? Что в буреломе найдёшь? Зато их потревожишь.

– Кого «их»? – спрашиваю. Ответ мне – молчание. И после паузы:

– Нельзя говорить о них зря, без дела.

И самое страшное – ругаться в лесу, показывать своё недовольство. Мол, это что тут за грибы – одни черви, это что тут за паутина висит. Вообще-то, её тут не для людей вешали и никак не рассчитывали, что кого-то в эти места понесёт. Но – слово сказано, его в лесу слышали и сделали о вас выводы.

И ещё – я ни разу не видел, ни в одной таёжной деревне марийца, который сказал бы мне, что заблудился, что боится в лесу пропасть.

Были другие – кто говорил: в любую непогоду пойдём в тайгу и найдём, если кто из соседей припозднится. Как?... Да не знаю... Ну, пойдём и там же ясно станет, куда идти!

* * *

Как-то положил перед собой на стол несколько записанных в деревнях текстов. В русской фольклористике их называют быличками – рассказы о «нечистой силе», обитающей вокруг человека. Но это – в русской, а здесь деление на «чистых» и «нечистых» оказывается условным.

Смысл марийских рассказов: веди себя в лесу как в гостях, не бери лишнего, не топчись, не кричи. Хозяева могут обидеться. Кстати, хозяева могучие. И, выпроваживая, силы свои они могут и не рассчитать.

Жизнь хозяев леса – отдельная от человека.

Да, мне стали рассказывать о них.

Кожла-Оза – существо, которое ещё называют в таёжных деревнях Диконький. И обозначают этим – не из людей он. В разных районах я записал и другие имена: Ате-Малахай, Ташман, Екшук... Ходят они своими дорогами, живут в своих, впрочем, известных людям, урочищах. А ты не мешай им, не попадайся зря, не шуми.

У мордвы – Ведява, мать леса. Она моложава, огромна. Она горяча, весела. На ней нет одежды – только листья. И не надо шуметь зря – если её обидеть, отвлечь от обычных занятий, ничего хорошего из этого не выйдет. Она любит пошутить – может сделать так, что охотник, странник не выйдет из леса больше никогда: будет ходить и ходить кругами до изнеможения. Или лишит охотничьей удачи. Охотники мордовские знали это в старину. Они ночуют, затапливают печку на заимке – Ведява уже рядом, под окном, слушает. Люди скажут ей доброе слово, поблагодарят за добычу, за то, что не пропали в лесу. Тихую песню споют, что-то интересное расскажут. А она там, за окнами, порадуется, подумает: вот добрые люди пришли, этих не обижу, этим покажу в лесу, что они ищут – зверя, птицу, грибы, не пожалею.

У русских – жутковатая фигура лешего. Впрочем, слышал, зовут его иной раз в русских деревнях Заволжья Лешенька, Хозяин, Сам... Сколько ни выспрашивал у стариков, как вести себя в лесу, сказали мне только один добрый совет: заблудишься, кричи громко, но обязательно зови кого ищешь по имени. А то леший отзовется. Ты ему ау – он тебе ау. Ну, и всё, ты пошёл на голос – и уже в такой чаще, что оттуда... Лешего, хозяина жутких лесных мест, спрашивают: может, я тебя обидел чем, может что не так сделал? Меняют обувь на ногах – левую на правую, чтобы кругами не ходить. И снова пробуют выбраться... В скольких деревнях на краю тайги слышал я истории, начинавшиеся словами: «У нас тут Круговое место есть, вот туда не ходим...»

У татар записывал страшные истории про Шурале. Высокий, зелёный, с длинными пальцами... Мне объясняли: как тут себя ни веди, ему можно попасться – ну, и всё, защекочет насмерть. Правда, рассказывают: было такое дело – ловкий человек защебил его пальцы в пне, повалив дерево и успел бежать. Но так-то вообще спасения нет.

Одни живут в середине леса и не боятся его, просто знают и уважают. Другие – на опушке и побаиваются – не случилось бы что, если зайти далеко. Третьи – в степи. И хорошо знают: в лес лучше не заходить – повезёт или нет, совершенно не зависит от того, как в нём себя вести.

* * *

Слово «море» у славян лингвисты чрезвычайно конкретно сопоставляют со словом «смерть»: в море полагается гибнуть. Ну, так по берегу ещё можно походить, опустить руки в воду, но дальше – это уже гибель.

Живёшь в середине леса – опасайся их. Потому что всё от них зависит. Веди себя правильно. Присматривайся. И ни в коем случае им мне мешай. У них – своя жизнь. Более того, у них своё время.

В Тоншаевском районе есть такое слово «млит» – кажется, видится что-то.

В русских деревнях к северо-востоку от райцентра рассказывают про Чёртову дорогу. Ну, Чёртова она или чья – это вопрос. Но они по ней ходят.

Иной раз слышно бывает – колёса тележные скрипят, голоса чьи-то, очень низкие, язык не наш, шаги тяжёлые. Но не видно никого. Или вот даже едут они или идут, весёлые, гармошка играет, поют что-то, но не по-нашему, а самих – нет.

Идёт эта дорога ложбиной. Деревни в ней не строили – боялись. Только одна из них виднеется на краю поля ближе к лесу – Ширта. Сейчас это русская деревня. И для русского уха её название не значит ничего, а вот марийцу сразу придёт на память выражение «ширт-шорт». Так обозначают самые страшные звуки в лесу – когда кто-то огромный и непонятный лезет через бурелом в потёмках, когда скрипит и стонет старый мрачный ельник.

Дорога идёт как раз возле Ширты. Потом, километров через десять, сделав изгиб, пересекает реальное «человеческое» шоссе, прежде чем уйти в глухую тайгу, в самый бурелом,

в овраг с ручьём. Там есть маленький мост. На мосту этом всё время бывают аварии. Привидятся шофёру, и он – раз, свернёт в сторону, и уже машина его завалилась.

А могут они привидеться пешему путнику. Чаще всего на закате или на рассвете. Видели его большого, в острой меховой шапке. Сам он высотой в три человеческих роста.

Он переходил человечью дорогу – обрадовался, увидев человека. Поманил к себе. Объяснил жестами – лес тебе свой покажу, гостем будешь. И посадил на шею – держись мол за шапку, только крепче. И пошёл медленно, что-то мурлычет, что-то говорит по-своему. И весь лес ему открывается – добрый он сам. И видно, как белки у него в лесу играют. И птицы к нему из гнёзд поднимают головы. И медведи к нему тянутся. А он раздвигает не то что ветки – стволы, улыбается, руками показывает – вот мол, у меня какой лес, богатый, красивый, звери в нём есть и птицы, смотри, нравится?...

А человек-то сидит на загровке – не живой, не мёртвый, не знает, что сказать, и страшно, и домой уж давно пора. А день всё не кончается, лес – тоже... Кажется человеку – целый день до вечера по лесу ездил, богатства таёжные смотрел. А вышло – всё лето!

Он принёс путника на человечью дорогу, нагнулся, помог слезть на землю, что-то ему по-своему сказал на прощание.

Пришёл человек в свою деревню оборванный, отощавший, когда его уже и ждать перестали, и сорок дней справили по нём.

* * *

...В священной роще – мне показали даже где именно – видели утром большие следы на снегу. Ночью идёшь с кировского поезда... Ой!.. Там костёр виден, а возле него фигуры большие колышутся. Огоньки точками летают между деревьями... Туда приходят из лесу Кугу Енг – большие люди. Не надо им попадаться. У них своя жизнь.

И на той дороге, по которой мы шли из одного района в другой, тоже всякое случается.

Пожилая марийка в селе Большое Поле рассказывала мне страшный случай из своего детства.

– Раньше мама за покупками ходила в Шарангу. А это же от нас, от Юронги, через тайгу, через Килемары – километров пятьдесят. И вот она ушла раз, а они меня решили заманить в лес – что уж я им сделала такого? Из лесу какая-то незнакомая старушка вышла, говорит мне: «Мать твоя велит лошадь запрячь и встретить её – покупок много».

Мне двенадцать лет было. Запрягать-то не умела ещё – помогли. Вожжи дали – поехала. И в лесу у меня лошадь останавливается. А ночь. И я слышу – они тут идут и разговаривают. Слышно их далеко, невнятно, на каком языке, и не поймёшь. А я-то подумала – вдруг мама идёт с кем. И кричу ей: «Эви!» Это по-нашему, по-марийски. А сама уже чувствую – это они! Вот знаете, как говорят: волосы поднимаются на голове, по телу по всему мороз. Всё – я же слышала, рассказывали: и лошадь они могут выпрячь, и сани на ёлку забросят, на самый верх.

Лошадь я стронуть хочу – не идёт она у меня!.. И вот я чувствую – они её разворачивают, насаждают на неё. Лошадь-то уже будто дышит тяжело, будто скачет, а сама ни с места... Я уж всем молилась, кому умею. Господи Иисусе! Аминь! Аминь! Помоги мне!.. Поро Юмо!.. О-оё!

...И они ушли. Ушли. Уж не знаю отчего.

Утро тут, светать стало. Отпустили они меня... А мама другой дорогой шла. И меня не звала. Я приехала – она уж дома.

* * *

– Я девчонкой была. Вот хлеб молотили. Устали – зову сестру Маруську: пошли за малиной пока. Рядом лес. А она ни в какую – полежу, отдохну. Вот я собираю малину, обиделась. И по-всякому Маруську ругаю. И тут подул сильный ветер холодный, потемнело. И я поняла: что же наделала-то! В лесу! Это меня Ексюк услышал, а ему не нравится. Тюньга – там такая речка рядом есть. Вот я её и не найду никак. И как пройти, не вижу. Уж и молю, и прощения прошу... И вот вдруг выхожу – передо мной опушка незнакомая и дорога. И дяденька идёт. Я ему: «Заблудилась. Куда идти мне?» Он: «Выведу, не бойся». И долго мы шли до дому. Далеко я плутала.

* * *

Они, наверное, не умнее нас. Просто они хорошо знают лес.
А лес просто сам по себе знает многое.

* * *

В университетском этнографическом музее хранится удивительная вещь, которую туда передал когда-то мой отец. Ему эту вещь подарили в экспедиции. Это деревянный барометр. То есть полностью деревянный: и корпус, и стрелка, и механизм. Правда, в механизме ещё есть верёвочки, которые управляют стрелкой. А рабочая деталь в барометре – изогнутая лиственничная палочка. К сухой погоде она чуть-чуть изгибается, к сырой – выпрямляется. Кто сделал барометр, не знаю. Привезён он был из окрестностей Чкаловска, а в надписях – твёрдые знаки на конце слов.

Вот об этой вещи я и вспомнил, когда мне показывали в деревне Малая Юронга старую лиственницу. Высотой она была под 35 метров. Толщина – больше двух обхватов. Почти уже рядом с верхушкой – густое сплетение веток, словно огромный шар. Ботаники говорили мне, что такие вещи может вызвать какой-то особый вирус. Называются они – и это, как ни странно, научный термин – ведьмина метла.

В Малой Юронге нам объясняли: от этой лиственницы – огромная польза всей деревне. Это казалось непостижимым: старое дерево все хвалили за то, что с его помощью можно... определять погоду. И вообще, оно «на погоду ворожит». Что было тут без этого дерева – страшно и представить себе. Совсем бы не было никакого порядка – дождь, снег шли бы не пойми когда.

Как же узнают по лиственнице о погоде?

На этот вопрос мне никто не смог на первых порах ответить внятно.

Смотрят на неё – и всё сразу видно!.. Да вы вот поживёте здесь, и сами поймёте. А так-то как объяснишь?

Пожить в дальней марийской деревне я не успел: надо было ехать.

Но за день, проведённый там, старался к дереву приглядываться. А день был июльский, жаркий, но с хлынувшим под самый вечер дождём. И, вероятно, самое главное, удалось заметить. Утром большие ветки лиственницы чуть сгибались ближе к концам. К обеду – распрямились, стали ровно торчать.

Менялось давление – приближался атмосферный фронт, и это отметил бы барометр. А лиственница отозвалась не на меняющееся давление, а на его последствия – в воздухе изменилась влажность.

Священная лиственница в деревне Большая Юронга

Ну, а насчёт того, что даже страшно представить себе, как жить без этого дерева, так это правда. Большие старые деревья держат на себе небо. Они итог длинной жизни и её предпосылка. Они связаны с миром тысячами даже неосознаваемых нами связей. А мир и

сам – система связей, и рвать их опасно. Кому-то внизу требуются огромные корни этих деревьев – такие глубокие и разветвлённые, каких ни у кого больше нет, кому-то наверху они создают особый микроклимат, дают возможность вить гнездо, укрываться в ветвях, в тени. Вокруг старой лиственницы – десятки и сотни трофических цепочек. И страшно остаться без неё, потому что всё вокруг изменится.

* * *

Мои отношения с этой лиственницей – особые.

Когда в 1991 году знакомство – моё и моих товарищей – со священными рощами и священными деревьями стало основательным, мы поняли: открыто что-то такое, что весомо, серьёзно. Старые деревья важны сами по себе. Они хранят лес, хранят среду в которой живут. Участки нетронутого вырубкой леса, даже самые небольшие – это удивительные природные кладовые с запасами жизни. Любой ландшафт цел, жив только в своём многообразии видов. После вырубки таёжные кварталы неизбежно его теряют. Но если есть рядом старый лес, то оттуда на участок, где подрастают молодые деревья, ветер неизбежно принесёт семена множества растений, пчёлы и бабочки – пыльцу. Оттуда прилетят птицы и придут звери – и тайга возродится такой же, какой была, пусть и через несколько десятилетий, с прекрасным и полным буйством её жизни. А если ещё, кроме этого, старые деревья хранят память...

Мы картировали участок за участком, делали их геоботаническое описание. И священные территории выстраивались на картах в сеть. Мы видели, как они словно бы держат истоки рек, высокие точки.

Иногда в истории наступают явно не лучшие времена. 1991-й год всегда будет помниться именно таким. Смута, внезапный развал великого государства... Но в такие моменты иногда возникает та самая свобода от бюрократической заорганизованности, от пут бумажного идиотизма, кто-то, прорвавшийся во власть, желает продемонстрировать свою необыкновенность: он принимает неординарные решения, общается с народом.

Мы поняли, что наш долг – взять священные территории под государственную охрану, сделать их памятниками природы. Изучили образцы документов, и стало ясно, как их надо готовить и у кого подписывать. Уверен: ничего подобного не удалось бы сделать в советское время: сама идея священных рощ и священных деревьев поставила бы в тупик любое начальство. Через несколько лет подобная затея снова стала невозможной. Администрации обросли бессмысленными и тяжёлыми структурами. Я хорошо знаю, что сейчас нам, как «физическим лицам», ничего бы не удалось. Потребовалось бы несколько невероятных лицензий на такие работы, а для их выдачи – цепочка экспертиз и согласований, которые поглотили бы множество моих зарплат. Затем – дорогостоящие экспертизы проектов документов, мучительные переговоры с землепользователями и местными властями. Причём мучительность создавалась бы благодаря тому, что и те, и другие, клинились бы на том, что не понимают: вроде бы им за что-то должны заплатить, но – за что, какую сумму, как её провести?

В девяносто первом все понимали: что-то меняется. Именно это и позволило осуществить нашу необычную идею и создать почти восемь десятков памятников природы – священных территорий.

Правила охраны были предельно просты и традиционны: не пилить, не драть кору на липе, не подсочивать берёзы и сосны, не сваливать мусор, не прокладывать через рощи дороги, ничего в них не строить. Да собственно так к этим местам и относились. И хозяйства-землепользователи без особых препирательств ставили на документы печати: согласовано. А районные руководители после нескольких визитов к ним, прекрасно понимая, что это не грозит расходами, зато создаёт возможность продемонстрировать некую экологиче-

скую деятельность, легко соглашались с предложениями «взять под государственную охрану в качестве памятников природы».

Вот так в Нижегородской области впервые в России появились такие необычные особо охраняемые природные территории. Вскоре с нашего региона взяли пример соседи.

Лиственница в Малой Юронге оказалась среди самых первых таких памятников. Против её заповедания не возражала местная Большепольская сельская администрация. Уже вскоре решение о том, что она становится памятником природы, приняло Земское собрание Воскресенского района. А там подмахнул его и сам господин губернатор.

С тех самых пор я дважды заглядывал в эту деревню. И лиственница оба раза придумывала, как меня приветить. В первый раз, когда мы остановили машину недалеко от неё, вдруг кончился безнадежно затяжной дождь. Во второй мы заехали в деревню фотографировать это удивительное дерево для книги. И стоило шагнуть из машины в траву, на небе всё ярче и плотнее стала разгораться, наливать краски радуга. Ну, только что её не было! А тут появилась – причём именно над лиственницей, превратившись для неё в какую-то волшебную декорацию.

Удивляться было нечему: нам же сказали добрые люди – она «ворожит на погоду».

* * *

Нашу любимую лиственницу я не спутаю ни с чем.

Но как на неё похожи оказались деревья на картинах, которые несколько лет назад я увидел на одной из выставок в Йошкар-Оле.

Это были необыкновенные лиственницы, которые общались с небом, излучали сияние и, набравшись мудрости и доброй власти, оказались в самом центре Вселенной. Они собирали у своих могучих корней целый народ. И от его имени торжественно просили у неба чуда. Они молились вместе с людьми и одновременно что-то неумолимо прорицали.

А ещё рядом на полотнах были страшные, корявые старые деревья – такие, которых я видел много в Лесном Заволжье, в его священных лесах. Огромные, обломанные ветви этих деревьев были как руки, вскинутые в отчаянии, а дупла зияли в немом крике. «Крик в ночи», «Корни» – потрясающие, извитые, побитые временем деревья, о которых нельзя сказать, живы они или уже мертвы, но они по-своему противостоят времени. Я, наверное, никогда не смог бы представить, что пейзаж, очень знакомый по своей сути, может быть наполнен такой экспрессией, что в нём может жить мятущаяся душа. И невозможно не проникнуться трепетом перед этими древними деревьями. В них – чёрных, погнутых, продолжает таиться и какая-то невероятная сила, словно бы накопленная от поколений людей, к ним приходивших. Они и слушали торжественную речь картов, чьи-то тихие слёзные просьбы, и отдавали человеческое – небу и земле. В этих деревьях был застывший порыв, читались страдания, напряжение, которое непременно возникает, когда хранишь чью-то тайну.

Корни Ямберде. С картины Ивана Ямбердова

Это были картины большого марийского художника Ивана Ямбердова.

* * *

Можно спорить, как воспринимается, как понимается живопись – имеем ли мы право рассказывать о том, что чувствуем возле полотен, совпадет ли это с тем, с чем хотел к нам прийти художник. Один из моих товарищей объясняет эту проблему своим студентам так. Он рисует окружность и выделяет на ней небольшой сектор – это зона допустимых понятий. И в ней – радиус: это то, что закладывал автор и с чем совпасть не дано никому из воспринимающих его произведение. Хорошо, если мы с нашим опытом, с нашей интуицией и искусственностью окажемся где-то рядом, если что-то в нас отзовется.

* * *

И там же, на выставке, была ошеломившая меня «Белая лошадь». Светлое ночное видение, словно вышедшее из огромного, бездонного, ведущего в другой мир дупла такой же старой, полуживой, на первый взгляд, липы. Нам рассказывали в тоншаевских деревнях про такое потустороннее существо – овду, рассказывали, что можно её увидеть в час сумерек на тропе, ведущей от древней священной рощи.

У этой картины я остро ощутил собственное сиротство. Белая лошадь глядела на меня глазами бесконечно дорогого человека, принадлежащего уже другому миру.

По древним поверьям, души людей переселяются в деревья. И продолжают жить рядом с нами. Они силятся что-то нам сказать, помочь, а людям остается только чувствовать на себе их взгляд...

Древние деревья Ивана Ямбердова – это судьбы, непростые, трагичные, полные боли. Сломан главный ствол, нет вершины, но никто не отнял у них великую жизненную силу, и ветки потоньше, изгибаясь, от места излома тянутся кверху и снова становятся прямыми, и оттуда же крона ровно раскрывается в стороны – необыкновенный силуэт. А из-за дерева, изнутри сумеречного пространства, мерцает нереальный свет. Вот такой, какой осеняет улы на картине «Пасека», – и превращает их в дома других существ.

* * *

Мне повезло: спустя несколько лет я познакомился с Ямбердовым, и он пригласил меня в свою мастерскую. Там пили чай его односельчане. Перед ними стояла на мольберте работа «Век». По разговору легко было догадаться: старуха, которая смотрела на них с портрета, была им знакома, они угадывали на картине не только внешнее сходство, но и характер. Характер?... В первый момент кажется, что перед вами на полотне знахарка. Она властно удерживает на себе взгляд зрителя, но словно не подпускает его близко, она тяжела, не больно приятна внешне, по первому ощущению, но знает какую-то жгучую тайну, касающуюся всех.

Иван Ямбердов

Вы делаете шаг навстречу полотну – и оно предстает перед вами уже в совершенно другом масштабе. Вы вглядываетесь в сетку морщинок на её лице – и они начинают складываться в древние полузабытые видения. И это лес, это старые деревья, которые качаются под

ветром. Мечутся встревоженные птицы над Волгой. И прочерчивается мрачный профиль Ивана Грозного, фигуры его воинов, всадников.

Так человек, пожив на земле долго, несёт в себе историю народа и становится плотью его древних преданий.

* * *

Как выглядит время?

Может быть, именно так, как в «Забытой мелодии» – удивительной по композиции картине. В двух дверных проёмах прислушается к звукам старик и старательно играет на скрипке девочка, не видя его. Это – как ворота в прошлое и будущее, и между ними резные настенные часы, давно уже ничего не показывающие.

А вот существо, напоминающее сыча, удерживает время когтями своей могучей лапы на картине «Правитель Око». Но время закручивается спиралью, девяткой, мучительно затягивает в тоннель, в тёмную точку. Ямбердов любит вдумываться в формы того, по чему наш взгляд быстро и привычно скользит. В очертания цифр и букв. Они напоминают ему древнюю тамгу, а тамга – это и родовой знак, полный сакрального смысла, и доведённая до максимальной простоты изобразительная идея.

Время на его полотнах становится вихрем, оглушительной цветной вспышкой над вздыбленным пространством, где летят кони. Иван Ямбердов снова и снова возвращался к этому своему любимому образу. И мы видим то их нежность, то безудержную свободу, то смятение. Знаменитая работа «Радужный табун» была им написана в самом начале девяностых – и в нём остро выражено то время. Пресловутый «свежий ветер перемен» превращается в торнадо. Мчащийся табун смят, поднят. И весело от необыкновенного ощущения, и охватывает ужас – что дальше?...

* * *

Общение с полотнами на глазах автора, в его мастерской непросто. Конечно же, любой художник ждёт зрителя. Но то ли этот зритель прочитает, то ли он поймёт? Вероятно, и мастер, и человек, пришедший к нему, – оба боятся друг друга разочаровать.

Долго стою около картины необычной формы – это длинная марийская сельская панорама. И на ней – десятки фигур людей. Одни заняты хозяйством, работают, другие собрались возле костра, старики степенно беседуют, молодые люди возвращаются с купания на конях, кто-то на минуту отвлекся и решил посмотреть на дали. На эти деревья и луга, на кромку леса – такой узнаваемый широкий мир. И посреди него живёт народ.

Я возвращался из мастерской Ямбердова с подарком – авторским альбомом репродукций.

Радужный табун. С картины Ивана Ямбердова

По дороге в Нижний Новгород мы сделали остановку в деревне у добрых знакомых. Альбом я принёс с собой в дом – показать хозяевам. А ещё его принялся листать заглянувший на огонёк немолодой сосед-крестьянин. Он подержал книгу, значительно прочитал вслух имя автора на обложке. Раскрыл альбом на развороте, где была большая картина «Праздник на площади» и стал её рассматривать. Театр в центре Йошкар-Олы словно парил и излучал свет над толпой народа, был узнаваем контур памятника перед ним, неопределённые, тающие видения домов. Но первая иллюзия реальности быстро исчезает. Нет – площадь как-то невероятно, неправильно широка... Дальше вы начинаете вглядываться в людей и смутно угадываете по очертаниям одежды: некоторые из них, вероятно, не приехали сюда из дальних деревень, а явились из каких-то других времён. Просто сегодня праздник – и это повод собраться народу. А народ состоит не только из нас, но и из наших предков. Они – с нами, мы их помним и не представляем себя без них.

Сосед хозяев повернул к нам развёрнутую книгу и вдруг произнёс:

– И я там был!..

– Где?

– На этом празднике. На площади. Там было столько народу! Это был такой праздник!

Наверное, гость и не услышал, как невольно процитировал пушкинскую строку. И уж совершенно точно, как человек, которого учили в жизни не искусствоведению, а совершенно другим и очень полезным вещам, он не почувствовал, что высказал самую суть. Не это ли самое он и должен был пережить рядом с картиной – ощутить себя частью большого и вечного народа.

Медведь-властелин. С картины Ивана Ямбердова

* * *

Старые деревья исцеляют.

К ним идут издалека со своими бедами, со своими жалобами. Несут подарки.

Двухсотлетнюю липу посреди поля возле деревни Горинцы по этой самой причине аккуратно обходит трактор, оставляя ей островок зелени – высокой травы вокруг ствола. Впрочем, написал неточно. Можно подумать, что есть в этом что-то утилитарное: полезное дерево – будем его беречь. Нет, скорее тут простое уважение к существу, которое живёт давно и многое, должно быть, помнит.

Горинцы – потому что посреди самой деревни есть песчаная гора, и с неё словно скатывается вниз главная улица. Раньше, лет сто пятьдесят назад Горинцы были марийскими и назывались Куверба-Горинцы. Это значило, что туда переехали на выселок жители соседней Кувербы, очень старой марийской деревни. Место с горой выбрали наверняка из-за того, что это была неудобница – на песчаном склоне пахать не полагалось.

Липа – их, марийская. И может быть, место для деревни люди выбрали специально поближе к ней. И хотя в Горинцах давно живут почти исключительно русские, вся деревня её бережёт. Она хорошо знает, что сюда приходят марийцы из окрестных деревень с узелками.

Чем-то это напомнило мне места к югу от Нижнего Новгорода, где жила ныне исчезнувшая группа мордвы – терюхане. Это о них Мельников-Печерский написал свою этнографическую работу «Очерки мордвы». Последние люди, хоть чуть понимавшие мордовскую речь, умерли лет пятьдесят назад. Но вот взяли мы эту книгу середины XIX века и отправились искать священные места, священные деревья вокруг старых терюханских когда-то сёл. Всё цело. Всё! И родники, и старые липы, и целые рощи, где когда-то совершались запретные, тайные обряды – люди приходили к своим древним мордовским богам с подарками.

Липе надо помолиться, рассказать о своих несчастьях, объяснить – любим мы её, знаем её силу, на неё только и осталась надежда. И подарок укрепить где-то на ветвях или опустить в дупло, положить под кору монетку. А потом приникнуть к стволу, прислушаться к её дыханию, слиться с ней в мыслях. И ощутить счастье оттого, что ты рядом с этим почти вечным существом, которое было таким же большим и добрым ещё при твоём пращуре, что оно несёт в себе светлый след сотен и сотен людей, их думу, их порыв навстречу этому дереву.

И подарки, сделанные липе, становятся её частью, медленно врастают в неё. Их никто не возьмёт себе: есть поверие – если украсть то, что было принесено к святому дереву, можно сойти с ума или умереть. Дерево – сильное, оно может постоять за себя, и пусть оно будет нашим другом.

Такие старые липы я встречал и возле деревни Ромачи около Тоншаева, и неподалёку от заветлужской деревни Кузнец (марийцы её называют Апшатнер, что тоже означает «кузнец», но только на их языке), рассказывали мне о старых берёзах-целительницах в древней Большой Рудке на шарангской земле. Эти деревья всегда стоят одиноко среди поля. Может быть, они – последний след постепенно сошедших на нет святых лесов?

* * *

Экспедиция к священным лесам Заветлужья летом 1991 года у нас получилась самой длинной: мы с моими товарищами не были в городе почти месяц. Меня в таких случаях выручает чувство дома: я не ощущаю себя оторванным от него, если в своей области. Воспринимаю это примерно так, как человек, оказавшийся на соседней улице своего же города.

Мы молоды. Мы мокнем под дождём и сушимся под солнышком. Мы поём. Нас кидает скачущий по ухабам паз – самый российский автобус (с ума сойти: слово «паз» – с эрзянского переводится «бог»!). Мы топаем по пыли и брызгаемся в речке. Мы переписываем материалы в тетради почти до утра при свече, потому что свет отключился и неизвестно когда его дадут...

Ольга Ляпаева и Татьяна Михайлова (ныне сделавшая себе имя в Нижнем Новгороде журналистка), вернувшись домой после всех этих приключений, начали с визитов к врачу. Глаза плохо видели в привычных очках, быстро уставали и чувствовали тяжесть.

В обоих случаях окулисты удивились: «Зачем вы носите такие сильные очки?» Оказалось: зрение стало лучше!

* * *

Из липы за околицей деревни Большие Селки, рассказывали нам, выходил Суртан. Мы не сразу поняли, кто это. Нам объяснили: он правил Лесным Заволжьем очень давно.

Мне ещё предстояло многое и многое узнать: только через четверть века я буду представлять себе детали биографии этого совершенно реального человека поволжского средневековья. Узнать, что он жил в XIV веке. Наконец, понять, что звали его совсем даже не Суртаном и версий конкретных дат его жизни может быть несколько. Но каким-то образом Большие Селки обязательно связаны с его судьбой.

Липы той больше нет.

Но я не верю, что с ней больше нет и Суртана. Он обязательно должен возродиться в каком-то молодом побеге, который потянется в этом месте из древнего тайного подземного корня к свету, к людям. Потому что я не могу допустить, что та самая липа, о которой мне рассказывали росла при Суртане. Столько не живут: шестьсот лет – это явно лишку для липы. Значит, липа была при нём другой, и он из неё переселился в следующую.

* * *

Места, где жили старые деревья, всё равно не трогают после гибели этих деревьев. Хорошо знают, что этого делать нельзя. И если построить там дом, завести хозяйство, жизни, благополучия в таком доме не будет – одни только болезни, нелепые смерти, пожары, разоренье.

В одной деревне около Тоншаева мне показали заброшенный дом. Сколько-то лет назад его купили новые хозяева. Им, говорят, даже показали старое сухое дерево во дворе – вот оно, и не трогайте его: будет беда. Так нет: помешало, хотели на этом месте строить сарай. Пилили его вначале, потом рубили пень, потом подкапывали...

Пень остался – с ним не справились. А вот хозяев нет больше.

Прибрало их в один год, всю семью. Родственников, кто приходил помогать, тоже... О том, чтобы купить этот дом, никто больше не заговаривает.

* * *

У марийцев есть короткая и горькая песня про сироту. Он идёт в родную деревню и издали приглядывается: не родного ли отца видно на околице – нет, это стоит старый дуб; не матушка ли машет рукой – нет, это ветер колышет ветки старой берёзы.

Вспомнил эту песню, виденную когда-то в сборнике, слушая песню другую – от пожилой женщины в таёжной деревне Большая Юронга, а по-марийски – Кугу Юрмор.

Увы, язык знаю не настолько хорошо, чтобы на лету схватывать смысл фраз. Слушаю и радуюсь знакомым словам, постепенно начинаю понимать, что мне рассказывают – и только.

Вот и в этой песне узнал слова, которые легко понял.

Пожилая марийка стала мне рассказывать песню (вообще-то, это совсем неправильно: её поют, или – говорят ещё так – играют, а уж никак не рассказывают). И к моему удивлению пропустила куплет, где говорилось про дуб и про берёзу, стоявшие здесь, в деревне, у околицы. Тот куплет, в котором их называли отцом и матерью.

– А про деревья что Вы пели? – спросил я.

– Ну, вот!.. Я же вижу – всё ты понимаешь, так чего же рассказывать-то? Всё ведь сам услышал.

– Нет, нет, совсем не всё?

– Ну, а что тут?... Вот дуб был, берёза была. И пелось, как будто они тут наши родители. Он воевать уходит, парень-то. И к берёзе пришёл – привязывает ей косынку, подарок. К дубу пришёл – вешает ему на ветки пояс... Ой, ребята, правду у нас пели... Вот война началась, парни наши все ушли. А мы к берёзе ходим, на ней косынки висят. И мы смотрим, которая чья... Вот – плакали, слёзы утирали... Уже на кого и похоронки принесли, а косынки висят... Нет их уже – ни дуба нет, ни берёзы, очень были старые, упали в одну ночь. Буря была лет тридцать назад. Вот так и живём без них.

* * *

Уйти в дерево – это просто и, наверное, нестрашно. Это означает не умереть, а жить дальше и быть рядом с теми, кто продолжает тебя. И радоваться им, когда они навещают, когда слышишь от них доброе слово.

В древности у некоторых марийских родов существовал странный наполненный магией обычай: людей хоронили на деревьях. Высоко в ветвях старого родительского дерева, куда предстояло уйти, вешали сплетённый лыковый саркофаг.

* * *

...Мне кажется, что мой отец уехал от меня на поезде.

Известие о том, что его нет больше, я получил, когда собрался заночевать в деревне Горинцы. Я поехал той осенью на север области готовить материал для газеты о путейцах. И заодно сходить в марийские деревни. Со мной поехали мои друзья, с которыми мы не первый год вели записи. Поработать рассчитывали вчетвером.

Вечером к дому, подошёл уазик путейцев: до них дозвонились из города...

Это ощущение – что внутри меня что-то оборвалось и окаменело – хорошо описано ещё в старых книгах.

Друзья подходили ко мне и обнимали меня.

До станции было несколько километров, а до поезда – несколько часов. И я ушёл один в священную рощу, которая маячила на горизонте.

Был там до темноты...

Отец растил из меня русского фольклориста. И было известно: и журналистика, верно кормившая меня долгие годы, и увлечение культурой соседей ему в чём-то не по душе. Но в этот час я пришёл именно в марийский храм. Он оказался ближе всего.

Уже не помню, о чём говорил с этими деревьями.

Ужас, чёрное зияние и полное смятение перед будущим...

Нет, не то чтобы полегчало... Но нужны были силы вернуться домой и принять то, что произошло.

Ехал в локомотиве ночного проходящего скорого. Стрелка скоростемера прыгала за цифрой «100», в электровозе кидало на поворотах. Это в вагоне едешь – и не чувствуешь ничего подобного.

Была беззвёздная сентябрьская ночь, наполненная какой-то мистической погоней, голосами невидимых поездов, огнями. Отключаясь, я переставал понимать, где и куда именно я еду. И мне казалось, что мой локомотив несётся среди огромной ночи над беспредельным пространством. И где-то уже снизу видны огни знакомых мне станций и городов. И люди, дежурящие там в эту ночь, понимают: случилось у меня что-то непоправимое. И потому мой локомотив не подчиняется в этот час ни здравому смыслу, ни земным законам... Эти люди знают, что погоня закончится ничем. Но они не решаются мне этого сказать. А просто молча смотрят на меня.

В половине четвёртого я отпер дверь своей квартиры, где никого не было, включил свет в комнате.

На противоположной стене блестел календарь. Сентябрь. И на огромном листе вдоль холодной северной реки спешили сцепленные вместе – двойной тягой – два красных локомотива. Такие же, как тот, в котором я ехал в ту ночь.

...Эту большую фотографию я вырезал потом, и она висит у меня на стене на кухне. Наверное, те, кто заглядывает туда, думают, что это просто железнодорожный пейзаж. Не просто.

Точно знаю: это именно тот поезд, за которым я гнался в ту ночь.

То ли я надеялся остановить его. То ли хотя бы увидеть, хотя бы прокричать что-то вслед.

А поезд был уже далеко – на берегу той холодной реки. И там был уже день.

И не полагалось бы мне своё дерево, к которому я мог бы прийти.

Если бы не та роща.

* * *

«Старые люди деревья сажали. С каким словом – это нам неведомо. Может, пожелание какое или запрет. И как же нам теперь эти деревья рушить?... Вы говорите – тень в огород кидают, посреди дороги растут... Ну, может быть. Только мы вот не знаем, что с нами будет, если этих деревьев не станет. Или – особенно- если их кто-то срубит, ломает. Это ведь – уже всё?! И бывали случаи. Рубили. И человек потом умирал на ходу».

* * *

«Уже не помню, почему я полюбил деревья эти...» – первая строчка из полузабытого стихотворения, которое я когда-то читал. Оно было написано талантливым человеком, потому что только в таком случае спустя годы может прийти на память простая и ёмкая формула, выраженная в нескольких словах. И вот именно ради этого только и можно жить в поэзии.

...Вот именно так: «полюбил» – а не начал бояться. Хотя старые деревья окружены по-настоящему страшными рассказами о проклятиях, которые непременно сбывались – деревья нельзя было обижать и пытаться убить, им нельзя было желать зла.

Но их всё-таки любили. Кстати, наверное, чувства такого же рода испытывают к родителям маленькие дети.

* * *

Любишь лес – люби тех, кто в нём живет. Ведь они – тоже лес.

Любить – это щадить.

Щадить можно и нужно добычу.

Марийцы жили лесом, охотничьей и рыбацкой удачей. Небольшое отвоёванное у тайги поле, немного скотины в крытом дворе – это было надёжным куском. Но как без трофеев – грибов, дичи, ягод?

Чтобы лес не скудел, из него нельзя было брать лишку – ровно столько, сколько требуется!

Это же на века сказано: «Стихия накажет».

Как?... Да она придумает! Возьмёшь больше, чем требуется (а в марийских деревнях хорошо знали меру и умели вычерпать её до дна!), – и на следующий год не найдёшь на своей поляне грибов, не подстрелишь зайцев. Или затмит жадность глаза – и не найдёшь обратной дороги, хотя в лесу понять, куда идти, проще, чем в городе!

Щадить можно и нужно тех, на кого охотишься и кто уже не уйдёт от твоего меткого выстрела.

В одном Марийском национальном музее мне показали удивительное орудие. Оно было похоже на стрелу, но вместо отточенного острия имело тяжёлый тупой деревянный набалдашник. Оказалось, это и была стрела для охоты на белок. Охотник, натягивая лук, метил зверьку в голову.

Попадал – и белка, оглушённая ударом, тут же теряла сознание и падала на землю. Она не мучилась от боли.

* * *

Шорыкйол, он же в более позднее время день святого Василия, он же в нынешнем бытовом смысле Новый год. Это у марийцев особенный день, когда с лесом, с его обитателями надо обо всём договариваться на будущее. Таков исходный древний смысл прихода ряженных. На них – вывернутые наизнанку тулупы, маски (в древности они были деревянными).

Это не люди – это лесные звери. Они пришли петь – хвалить человека и человеческий дом. И за это им – подарки. Так с тайгой продляются на новый срок добрые отношения.

– Тау! Тау! – звучит в этот день. – Спасибо! Спасибо!

И благодарность вполне материальна. Традиционное угощение – жареные свиные ножки. «Туво» – так звучит на марийском название и этого блюда, и самой свиньи. И отсюда – древняя ритуальная формула признательности, которая перешла в повседневный быт – «тау». И отсюда же – русское «Таусень». Этим словом называют во многих районах Нижегородского Поволжья именно то же действие – колядование и с ним связанные обрядовые песни. Слово это хорошо знакомо русским фольклористам, но ни в одной из работ я не встречал попытки объяснить его финно-угорскими корнями обычая в тех местах, где название бытует. Хотя корни эти очевидны. И знакомясь с материалами, собранными к западу от нас, бывая там в сёлах, я ни разу не наткнулся на то, чтобы слово это было в ходу там. Только славянское – «Коляда».

Фольклорист и прекрасная исполнительница русских песен Ольга Юкечева, которая пела в ансамбле Дмитрия Покровского, до этого руководила на своей родине, в Смоленске, ансамблем «Таусень», ею и созданным. Я спросил её: слышали ли она хоть раз это слово в деревнях Смоленской области. Она удивилась вопросу, потом призадумалась. И честно

ответила: ни разу – она это поняла только сейчас... Почему же возникло такое название? Наверное, понравилось в книгах.

* * *

Они очень умны – живущие в лесу. К ним надо прислушиваться: они дадут знак в час сложного выбора.

Наташа Дмитриева, марийка, школьница из Тоншаевского района, рассказывала нам серым осенним днём об истории деревни Ошары.

Это она слышала от бабушки: люди шли глухой тайгой много дней, они устали, а места, чтобы осесть, построить деревню для детей, для длинного-длинного будущего всё не было. Но случилось: лес его указал сам. Из тайги к людям вышел необыкновенно красивый, никогда ими не виденный зверь. Был он невысок, серо-коричнев, в густой, плотной шерсти, у него были умные глаза и короткие рога...

...На языке у меня уже вертелось это слово – его название. Я же сразу понял, кто это! Да, если люди шли с юга (а это, похоже, было так), то этот зверь не мог их не удивить – он северный. И он здесь был, совсем недавно был, в начале XX века ещё гулял здесь стадами, ел ягель. Это сейчас его нет больше.

– Нет, нет! – замахала руками Наташа. – Его нельзя называть здесь по имени! Никогда нельзя называть! Это запретили старики... И над ним было в тот день сияние. Люди пошли к нему. Он подпустил их к себе близко. Он был добрый. И они поняли, что он просто указывает им место, где жить. Такое место, что никогда никто не пожалеет, никакое следующее поколение... Хорошие у нас Ошары, а?

Пройдёт несколько лет, и я узнаю, знакомясь с эпосом самодийских народов: образ этого зверя, которого нельзя называть, принимал их бог-покровитель. Есть у них сказка, где говорится о том, что в него превратилась после смерти мать, чтобы являться к своим детям и давать и добрые советы. Северные народы знают героя Мяндаша: он похож на кентавра, но у него тело не лошади, а этого зверя.

* * *

Любить лес – это устраивать ему праздники.

Именно такой любовью был наполнен Кугече – марийский Великий день, который в поздние времена совпал, соединился в народном сознании с Пасхой. Это день, когда, как считается, лес окончательно просыпается после зимы.

Неделя, предшествующая Кугече, была обставлена строгими запретами. В деревне не шумели. Хозяйки не разводили огня, чтобы в лесне несло дыма. Даже, если в доме было холодно. В лес не полагалось ходить. Всё вокруг деревни должно было отдыхать от человека.

В эти дни в лесу зарождалась новая жизнь. Тянулась к свету первая хрупкая трава (наступать на неё – нога не поднимается). Птицы вили гнёзда. Играли звери. И достаточно было мелочи, чтобы их спугнуть, чтобы они ушли от человека далеко в чащу и оставили его один на один с самим собой.

Запрет нарушался только по одному случаю.

Накануне Великого дня марийские дети шли (обязательно безо всякого шума) на одну из ближних лесных полян и несли туда подарки для бурундука.

Бурундук – маленький, подвижный, добрый зверёк, чем-то похожий на белку – с полосками на голове и длинным пушистым хвостом. Он и в самом деле в тоншаевской тайге – что-то особенное, большая редкость. Нижегородская тайга – крайний юго-запад тех мест, где он обитает: встретить его здесь почиталось за большую удачу.

Бурундуку полагалось нести ну что-то самое-самое вкусное. Пусть знает, что его любят. Пусть не уходит от нас в чашу.

Марийские дети шли в лес и тихо спорили, чьё угощение бурундуку понравится больше...

Проверить, что бурундуки унесли к себе, а что им не понравилось, полагалось на следующее утро.

Первыми, на рассвете на поляну обычно приходили взрослые. И если находили какие-то подарки нетронутыми, прятали их в другое место. А то придёт малышня, увидит, что бурундуки не взяли себе чьё-то угощение – и слёз будет!

* * *

Кугече – праздник всего живого.

Это деревья, украшенные десятками ленточек. На слабом ветерке они играют, переливаются. И остаётся чувство, что в своей весенней радости деревья и люди соединяются – примерно как пролетарии всех стран. Вот такое счастливое единение.

Там, где марийцев в Нижегородской области давно нет, всё равно кое-где живут обычаи дарить в праздник подарки старым деревьям. В Городецком районе возле деревни Копосово растёт мать-сосна, из-под корней которой берёт начало речка. Тоже матерью-сосной называют огромное дерево недалеко от Тумботина. На них любят фотографироваться и привязывать к стволу ленточки.

* * *

А священные рощи!

Приходя к их деревьям, мы словно перешагиваем порог эпох. И оказываемся в другом времени.

Эти островки леса никогда в человеческой истории не рубили. Заволжским лесам от силы полтора десятка тысяч лет. Топор они познали в последние триста. Их вырубали полностью – десятками квадратных вёрст, их выжигали. И настоящего первобытного леса в этом крае мы бы не увидели, если бы не божьи леса. Потому это своего рода музеи таёжной древности. В их нехоженных углах лежит бурелом: его не полагается разбирать, выносить. Деревья рождаются, тянутся к свету, умирают, превращаются в труху и согревают собой новую жизнь.

Это невозможные леса: они густы и непроходимы, в них соседствует несовместимое. По сырым окраинам таятся под пологом древние растения тундры – с тех самых пор, когда ещё она одна, прилегавшая с юга к леднику космических размеров, владела Поволжьем. Здесь же острые таёжные уральские пихты и весёлая зелень лиственниц. И рядом с ними элитно-европейские дуб, липа, ясень, клён. Жизнь, собранная в букет.

Молельная поляна одной из священных рощ Шарангского района

Эти леса хороши – и величественны, и грозны, и дышат необузданной силой. В их густые заросли надо было ещё искать вход – как в дом. Единственная тропа ведёт на молельную поляну.

В 2000 году в одной из рощ на такой поляне мы нашли только что сделанные, светлые и яркие своей свежей древесиной помост, стол, перекладину для очага и лавку. До нового тысячелетия оставались считанные месяцы, а древняя роща была людям нужна нисколько не меньше, чем, может быть, четыре тысячи лет назад. Она хранила людей.

* * *

Исследователь религии начала XX века Николай Маторин называл такие рощи «непорочными храмами». В его книге, изданной в двадцатых годах, я нашёл фрагмент из документа времён крещения марийцев: «Дивный был пенёк, вместо налоя нам служил. Дивное было лесное озеро, вместо купели золотой служило, вместо блестящей церкви служил густой лес. Деревья служили вместо золотых подсвечников, с причтом лесные птицы воспевали».

* * *

За несколько лет поисков мы побывали во всех во всех священных рощах нашей области. И в тех, которые упоминаются в литературе (а это можно найти не только в «Очерках мордвы» Павла Мельникова-Печерского, но и в различных статьях краеведов – они печатались в основном до революции), и в тех, о которых нам рассказали старожилы деревень. Но каких-то общих принципов, одинаковых признаков, характерных хотя бы для большинства священных рощ, не обнаружилось.

Может быть, показалось вначале, это места, с которыми связаны какие-то памятные события? Но нет – это скорее исключительные случаи.

У многих рощ, оказавшихся в итоге посреди поля (видимо в результате того, что лес до каких-то известных людям границ был выпилен), ровные, как по линейке сделанные края. Но в одних случаях к северу, югу, востоку и западу они обращены сторонами, в других – углами. В одних рощах есть главное дерево, увешанное подарками, в других таких деревьев много. Одни рощи тяготеют к воде – возле них зарождается ручей или есть небольшое озерко, другие же – на возвышенности, поднятые, словно летящие над землёй.

В начале девяностых у меня была счастливая возможность посмотреть на несколько священных рощ с высоты птичьего полёта. Я участвовал в весенних учётах перелётных птиц.

Мы пролетели почти надо всеми такими местами в Тоншаевского района. Чувство потрясения осталось. Они густы, мощны и имеют очень чёткие границы. Ими любуешься. И ещё: почти все они выстраиваются в этих местах словно вдоль одной полосы – строго с юга на север на протяжении трёх десятков километров. Полоса эта начинается на водоразделе Ветлуги и Вятки, а по сути – бассейнов верхней Волги и Камы. И тянется по правой стороне самой большой из речек тех мест Пижмы, ни разу её не пересекая.

С воздуха рощи похожи друг на друга. Но – только с воздуха.

Рассказывают о рощах совсем разное.

В одни ходить на моления можно было всем, в другие только мужчинам или только женщинам, в третьи приходили с пожертвованиями лишь два или три «знающих» человека, которые молились за всех остальных. О некоторых местах говорили: если моление случайно видел с краю леса кто-то из посторонних, то он начинал болеть.

Удалось найти старинные описания рощ. Помещик Александр Поливанов, который жил в своей усадьбе на берегу реки Ветлуги возле от села Благовещенского (сейчас оно в Воскресенском районе), увлекался археологией и даже был членом Московского археологического общества. Он, вероятно, в конце 80-х годов XIX века совершил неблизкое путешествие вёрст за восемьдесят – в марийскую деревню Малая Юронга. Там Поливанов нашел священную рощу, а затем напечатал отчёт об увиденном. На его взгляд, роща доживала последние годы: деревья были дряхлыми, полусухими, люди, по их словам, туда давно уже туда не ходили, но тропа была протоптана и поляна оставляла такое ощущение, что всё-таки кто-то, возможно, случайно, по старой памяти, был на ней и что-то туда приносил. В остальном же – следы какого-то запустения, забытости.

Спустя сто с лишним лет мы застали рощу абсолютно такой же, словно время не коснулось её. Люди уверяли нас, что в божий лес давно уже никто не ходит. Но тропа просматривалась и чувствовалось, что совсем недавно кто-то там был.

* * *

Открытием для нас стало то, что во всех рощах, которые пыталась описывать и картировать наша экспедиция, странно вели себя компасы. Были точки, где стрелка начинала плясать.

После нас в свои рощи ходили с компасами исследователи в Марий Эл. Результат всюду был тот же самый.

Разговоры про биоэнергетику я воспринимаю как научное шарлатанство, как попытку загрузить простодушных обывателей. Это утеха для выходящих в тираж дамочек со смутными воспоминаниями о каком-то образовании в голове и болями «где-то там в боку, немного, если повернуться». А главное – с массой свободного времени.

Никакой биоэнергетики.

Но – что?

Может быть, так дают знать о себе зарождающиеся подземные потоки. Замечено, что почти все рощи стоят в точках распада вод. Или это напоминание о куда более глубоких трещинах в базальтовом фундаменте Восточно-Европейской платформе. Геологи доказали, что в Среднем Поволжье, примерно над той полосой, где течёт Волга, на глубине в несколько километров на протяжении уже сотен миллионов лет соприкасаются две её плиты – Варяжская и Сарматская. Одна из них, Варяжская, постепенно опускается, другая поднимается, и это создаёт колоссальное напряжение. Как-то оно должно прорываться к нам, из подземных недр?

* * *

Рощу нельзя обижать. И это всем хорошо известно.

В Большом Одошнуре старожил показывал нам свои амбарные книги с записями. Работал он в сельсовете до пенсии, и, что называется, для души фиксировал события. Рощу спилили, хотя местные мари́йцы предупреждали, что нельзя этого делать. И вот в течение месяца все, кто этим занимался, умирают. Один попадает под поезд, другой сгорает в бане, третьего губит сердечный приступ.

В конце девяностых в Ромачинской священной роще кто-то заготовлял жерди для бани. Мы приехали туда и обнаружили уже обделанные молодые сосёнки, сложенные штабелями.

Мы заявили в сельсовет и потребовали ответа, кто же это растаскивает наш любимый памятник природы? «Не сознаются», – сказали там. И выразили удивление – ведь народ слышал, что плохо такое кончается – как же решились?

Сознались.

Спустя год научный сотрудник Тоншаевского районного музея Александр Жуков, в прошлом мой студент, с этим человеком даже познакомился. Но выговорить ему за безобразное отношение к священному лесу не решился.

Человек – кстати, нестарый – лежал парализованный в одном из домов соседней деревни. И причитал: ведь рассказывали старики, ведь знал, что нельзя... Руки и ноги отказали через пару недель после того, как он впервые помахал топором в священной роще. Кстати, именно там всё и случилось. Разговоры про незаконные порубки поухли, и он решил на закате собрать свои жерди и вывезти ближе к дому... Что же натворил?! Как теперь быть? Каким богам молиться?

В Козлянуре в тридцатых годах рощу срубили и из деревьев сделали свинарник – он сгорел. В Городищах она пошла на постройку конного двора – погибли все кони...

И ещё рассказы – их десятки в нашем архиве.

Учительница повела детей в священную рощу, отломала ветку и объяснила: предрасудки, ничего не будет. Тут и сломала ногу.

В Большой Юронге велели мужикам пилить священный лес. Человек, отдавший приказ, скоро умер.

В Кувербе священную рощу приказал рубить председатель колхоза – приезжий человек, десятитысячник (помните, были такие люди – сознательные рабочие заводов, поехавшие на село строить там новую жизнь). Назначил он исполнителей. Те не отказывались: у мари́йцев не принято отказываться в таких случаях – принято кивать головой и не выполнять распоряжений.

Прошло сколько-то недель – работники, разумеется, и не думали братья за топоры и пилы. Председатель обругал их за нерасторопность и поручил дело другим. Те тоже вроде бы согласились, но через месяц роща всё ещё стояла. Тогда председатель опять нашёл каких-

то мужиков, которые тоже не стали отговариваться... Словом, роща цела, здорова, стоит на месте. И Куверба тоже.

Со священными рощами хотели бороться местные священники.

В Тоншаеве мы записали воспоминание о том, как в начале XX века настоятель храма села Ошминского организовал крестный ход с хоругвями в сторону самой красивой из священных рощ – Грозной. До неё от Ошминского километров шесть. Что замышлял священник, остаётся сегодня неизвестным. Но на повороте дороги шествие встретили молчаливые мари́йцы с кольями. Пение молитв прекратилось. Наступила тишина. Мари́йцы не проявили никакой агрессивности – было это не в их натуре. Но постояв немного, участники крестного хода побросали наземь хоругви и побежали обратно.

* * *

Наверное, это очень приятно: сознавать, что ты знаешь истину и уже этим выше всех окружающих?

* * *

Православные священники были первыми этнографами в Поволжье.

Иоанн Дамаскин, ректор Нижегородской духовной семинарии, живший в середине XVIII века, стал составителем первого словаря языков разных народов нашего края. Он был убеждён: слово божие надо нести тёмным инородцам для начала на понятном для них наречии.

Современные учёные исследуют обычаи поволжских народов по издававшимся в Костромской, Вятской, Нижегородской, Казанской губерниях «Епархиальным ведомостям». Серьёзный источник, а по некоторым вопросам чуть ли не единственный. Другие исследователи или не больно интересовались жизнью соседей, или не имели возможности воплотить свои знания в публикации. А тут – пожалуйста! И статей много. Писали их местные священники. Они внимательно приглядывались к тому, как и чем живёт их паства. Нередко были вдумчивы и наблюдательны.

Сделал выписку из «Вятских епархиальных ведомостей» за 1905 год: «Надо бороться против язычества через пример христианской благочестивой жизни, исполненной духа тёплой и бескорыстной любви». И далее – об инородце, которого бескорыстно любят: наконец-то, теперь ему «приходится очень плохо, священные рощи его вырублены и запустели, языческие обряды не могут совершаться открыто и со всей торжественностью. Возвышенная христианская культура со временем должна взять верх...»

* * *

Глава Шарангской районной администрации Валерий Геннадиевич Криницын – человек, любимый в районе всеми и много сделавший для своего края за свою недлинную, к сожалению, жизнь, пожаловался мне как-то на странную ситуацию. Наша экспедиция подготовила материалы для взятия под государственную охрану древних природно-культурных памятников, районная власть утвердила их. Но на пороге его кабинета появился возмущённый священник местной церкви.

Говорил он горячо, с массой укоров. Как посмел государственный человек подписать этот документ? Разве он не понимает, что рощи эти – пережиток бескультурья местных малых народов? Да рощи эти нужно уничтожить, а не заботиться об их охране! Они – от диа-

вола. И надо сейчас же сделать всё, чтобы решение было отменено. Священник напомнил: администрация помогла недавно церкви, так надо быть последовательными и идти до конца.

Валерий Геннадиевич относился к людям, которые умели убеждать собеседников. Он напомнил священнику, что государство у нас всё-таки светское. Что традиции русских и марийцев ему дороги одинаково, ведь и те, и другие живут на шарангской земле.

И ещё: причем здесь старые деревья. Зачем их уничтожать. Они прожили длинную и замечательную жизнь, они любимы людьми. Может быть, за то, что от щедрости своей души ответили людям на любовь, на их желание слышать в шуме лесном родные голоса.

Старый марийский лесник в Шарангском районе рассказывал: был он когда-то лесорубом, пилил дерево как обычно, а то пошло прямо на него. Стоило сместиться в сторону – и огромная сосна изменила направление и опять стала падать на того, кто её пилил. Снова он увернулся – и снова какая-то сила пустила дерево вслед за человеком. За секунды лесоруб успел вспомнить всех дедовских лесных богов, помолиться им, посулить, что это самое последнее дерево, которое он валит своими руками. И случилось чудо – дерево, падая, всё-таки пощадило его.

На следующий день человек уволился из леспромхоза, провожаемый полным недоумением тех, с кем работал. Что случилось-то?...

Он устроился в лесхоз – в организацию, которая лес сажает и растит.

* * *

Удивительно, рощу пилить нельзя, а продавать, оказывается, можно.

В одной из деревень северо-востока области мы записали потрясающий рассказ о том, как это случилось в начале XX века.

Священную рощу решили продать соседям после того, как кто-то в ней попробовал пострелять из ружья. Продали очень задёшево – за понюшку табаку. То есть буквально – за горсть нюхательного табака.

Старики-карты ударили по рукам и перенесли рощу на новое место.

Нет, деревья остались там, где они росли. Но из рощи было взято нечто, без чего она перестала быть священной, а стала обычной. Это нечто (а я не знаю, что это было такое) укутали берёстой и несли с величайшей осторожностью. Причём условие было – нести прямо. Болото на пути – через болото двигаться, забор – разобрать, кусты – пробиваться через них. Так и шли – несли рощу – несколько часов.

В деревне, где жили покупатели, нам подтвердили: да, наша роща была куплена при наших дедах у соседей. У них там что-то случилось, и мы решили: пусть роща будет лучше у нас, выбрали вот для неё другие деревья. И теперь настоящая священная роща – здесь. А у них её больше нет.

* * *

А бояться рощу нечего.

Просто нужно вести себя так, как в гостях. Впрочем, все ли мы умеем себя вести в гостях?

Если честно, меня раздражают иной раз посетители моей рабочей комнаты, которые начинают перебирать на столе бумаги, суют нос на полки шкафов или начинают рассуждать о том, что, по их мнению, здесь неправильно.

В лесу многие церемонятся ещё меньше. Вроде бы как он совсем ничей.

* * *

Карт по имени Аркадий Васильевич жил в старом бревенчатом доме на окраине посёлка Шаранга. Конечно же, во время нашего знакомства разговор о роще зашёл не сразу. А когда зашёл, карт отмахивался руками: какая роща? Да, в старину ходили. Но сейчас-то чего? Он работал в колхозе, был в парткоме – другие времена!

Но всё-таки, слово за слово, услышав, что рощу мы хвалим, поддержал этот поворот беседы. И кивнул головой: правильно – надо такие рощи охранять. И потому всё-таки одобрил то, что мы туда ходим. Но и напутствовал: ведите себя тихо, не топчитесь зря, не трогайте котёл, если пришли без жертвы, не переступайте через очаг, не ругайтесь, не ломайте ветки...

Мы собирались фотографировать в роще, определять растения для геоботанического описания.

...Поляна, помост со столбами, поросшими мхом. Кости жертвенных животных возле очага. Деревянные крючья на деревянной перекладине высоко над кострищем. Небольшая поленница принесённых из деревни дров.

В эту рощу мы ходили несколько раз – была она километрах в полутора от околицы среди поля по пологому склону оврага.

Второй визит в рощу был по просьбе карта перенесён на три дня.

Он объяснил: погода стоит очень жаркая, без дождя плохо. И карты были в роще – попросили богов, чтобы в четверг была гроза. До грозы ходить в рощу не надо, а то так и будет сухо.

Надо ли объяснять, с каким нетерпением мы ждали, сбудется – даже не предсказание – заказ.

Вторник и среда были образцово жаркими. А в ночь на четверг я проснулся от ударов грома. Молнии летали над домом, где остановилась наша экспедиция, они ослепляли, и было страшно. Ливень, который вызвали два карта, хлынул стеной – шумный, дробный. И потом, когда гроза отошла, всё шёл и шёл до самого полудня. А после тучи моментально рассеялись. И выяснилось, что солнце – такое же горячее, как вчера. Но всё под ним ожило, расправились и налились зеленью травы.

И на лице карта вечером я читал спокойное удовлетворение знающего и многоопытного человека, который оказался полезен другим.

А один раз студенты пошли в рощу без меня и вернулись потрясённые и подавленные. Объяснить, что случилось, они решились не сразу.

С нами вместе ездил москвич, студент-биолог университета. Был он человеком вольным, вроде бы и работавшим по общей программе, но в то же время иногда исчезающим на несколько дней куда-то, чтобы искать что-то своё.

Взяли его в рощу. А он там паязвил: ага, испугались карта – он вам наговорил небылиц, а вы тут и начали – этого не делай, сюда не ходи. В доказательство молодой человек демонстративно переступил через очаг, взял в руки лежавший возле него жертвенный котёл. И торжественно провозгласил: «Видите – ничего не случилось! Снимите меня с котлом! У кого фотоаппарат?»

Его засняли с котлом в руках.

Полею от рощи к деревне – минут двадцать ходу.

Уже возле околицы заметили выходявшего навстречу карта:

– Зачем вы трогали котёл? Зачем ходили через очаг? Я же чувствую. Я же вам говорил: не надо. Не знаю, кто из вас это делал, но я не сумею помочь этому человеку... Пусть он будет жив.

Экспедиция кончалась.

– Ну, что, – бодрился москвич, – всё классно! Мне понравилось. Рощи тут отличные. Люди интересные, своеобразные. Впечатлений много.

Мы расстались дней через пять.

– Представляешь, – тревожно сообщили мне вскоре по телефону, – я проявил плёнку. Все кадры отличные. А там, где с котлом, – чёрное!.. Вообще ничего не видно.

О москвиче мы узнали только осенью.

Он благополучно добрался после нашей экспедиции до своей столицы и поехал на практику на Кольский полуостров.

Он шёл по составу из одного вагона в другой, когда вдруг всегда запертая дверь нерабочего тамбура открылась настежь. Тут вагон, по его словам, сильно повело в противоположную сторону... Словом, очнулся он в районной больнице: его нашли, лежавшего без сознания на железнодорожной насыпи.

Как он выпал из вагона, он помнит отчётливо. Что было в роще – не особенно. И ещё много всего забыл, что случилось до этого дня в его жизни.

* * *

Надежда Киселёва, эколог, которая обследовала рощу Грозную зимой, вспоминала, как из последних сил лезла в высокую гору по, наверное, метровому снегу.

– И вот я поднялась и ощутила, что силы ко мне сразу вернулись, и мне очень хорошо и тепло... Я у рощи попросила разрешения взять веточку пихты, положила её в валенок. Мы там ходили, мерили. И я решила посмотреть, цела ли веточка. Нет, потерялась!.. Я извинилась и ещё раз попросила веточку, сломала её. И опять потеряла через какие-то минут десять. Тогда я поняла, что больше просить рощу не надо – просто мне сегодня не позволено оттуда что-то брать... А вот это чувство счастья и силы я помню.

– Ты с ума сошёл! Как ты на такое решился? Ты же должен был понимать, чем такое может кончиться! – услышал я в Йошкар-Оле от знакомых людей. Им я рассказывал про увиденный мною летом дубовый лес неподалёку от Васильсурска, про спускавшиеся там к роднику столетние крепкие деревья.

Тогда я не знал ещё о том, что значит для горных марийцев эта дубрава. Только смутно догадывался о том, что здесь священная роща – была или есть. Я поставил свою палатку прямо в этой дубрава и уснул, измотанный длинной дорогой.

* * *

– Ты понимал хоть, что этого делать нельзя? Они могут это не простить, и ты тут же это почувствуешь, но будет уже поздно.

...Я до сих пор отчётливо помню ту ночь. Плеск листьев и голоса птиц. Удивительное ощущение лёгкости, полёта, счастья и вместе с тем чего-то тревожного. И – сон под самое утро.

Это была широко раскинутая земля – с лесами, лугами и реками, вставало солнце. И в его лучах навстречу мне шли, взявшись за руки, исполинского роста дружелюбные люди в белых вышитых красными орнаментами одеждах. Они говорили что-то на непонятном языке. Я пытался взглянуть хотя бы в выражения их лиц – они шли против солнца. И ощутил полное безотчётное счастье, поняв, что они улыбаются мне!

– Это очень редкий сон. Ты увидел наших предков! Или тебе онары явились! Они же знают, что так нельзя – в их старом лесу спать. Но тебе они разрешили и дали понять, что

хорошо к тебе относятся. И это значит, что ты занимаешься тем, чем можно заниматься. И тебе от этого не будет беды. А что можно делать, что нельзя, ты сам теперь будешь знать.

Силы воды

Обязательное соблюдение всех правил поведения на воде – залог сохранения здоровья и спасения жизни многих людей.
Из Правил поведения на воде

Над лесом, над полями летело озеро. Озеро было тяжёлое. Поэтому вода из него расплывалась на землю. Рыба в озере не удерживалась и тоже выпадала вниз, плюхалась на пашню, на огород или застревала в ветках деревьев. Народ много рыбы в тот день собрал.

Не верите?

Ну и зря.

Мне про это рассказывал директор Шарангского краеведческого музея Пётр Павлович Осокин. Серьёзнейший человек, старый марийский учитель.

Только история эта давно была. Уже неясно точно когда. Но зато хорошо известно где. Если ехать от Нижнего Новгорода в Шарангу, проезжаешь Тонкино, там остаются уже какие-то 25 километров. И вот на полпути примерно, в Большом Устинском, надо повернуть голову влево. И увидишь широкую такую и довольно глубокую ложбину. По ней течёт речка Уста, ещё совсем небольшая в своих верховьях. Вот на дне этой ложбины озеро и находилось. Но сейчас его нет – улетело.

Озеро пронеслось над Шарангой и другими разными замечательными местами километров сорок, после чего опустилось уже на вятскую землю. Сейчас оно цело, и его можно видеть около деревни Сатаево Санчурского района. Оно такое же примерно, как было, и тоже в ложбинке. Правда, поменьше – часть воды порастряслась.

* * *

Машину нашу кидало на ухабах, пока мы ездили по бывшему дну озера. Антон Белосов, молодой фотожурналист, с которым мы в те дни мотались по таёжным деревням и смотрели старые марийские священные рощи и деревья, крепко держал свою камеру – иначе бы она просто летала по салону «Оки». А Пётр Павлович назидательно говорил:

– Вот оно что бывает, если люди перестают любить воду. Старики как рассказывают?... Женщина тут одна жила, марийка. Но – неряха. Вот у неё скопилось всяко грязного белья, и она пошла на озеро стирать. Ведь знала же – нельзя. Ты возьми воды, постирай в колоде – и хорошо. Так нет!.. Ну, вот такое и приключилось. Из-за неё теперь тут все и страдают... А рыбы-то, говорят, уж столько было... Вот как.

Честно сказать, про озёра, которые из-за неопрятности, из-за нарушения старых запретов «пропадали», «уходили», я слышал в очень многих марийских сёлах и деревнях. Но говорилось об этом всё больше как-то неопределённо – «в одной деревне», «где-то в той стороне, за тайгой». А здесь мне неопровержимо и конкретно показывают: вот тут оно, это озеро плескалось!

Я украдкой бросаю взгляд на Петра Павловича: сам-то он верит во всю эту жуть? Но на его лице ни тени улыбки, он очень серьёзен. А ещё от него, похоже, ничего не скроешь. Он словно читает мою мысль и продолжает:

– Было. Старики говорили, показывали мне всё, что и как. Старики не говорят зря.

Про не говорящих зря стариков – это я и сам знаю. Тем живём.

* * *

Пётр Павлович выучил в сёлах районе сотни людей: вёл он русский язык, литературу, физкультуру, военное дело, труд и всё, что находило нужным вменить ему в нагрузку школьное начальство за отсутствием других учителей. В школу он попал в дни войны – прямо из госпиталя. Был тяжело ранен в ногу под Сталинградом, стал инвалидом – и вот так вернулся с фронта в свою Шарангу. После войны учился в институте, работал учителем на целине. В родные края приехал снова уже пенсионером: не захотел жить в суверенном Казахстане, не вписался в него.

Мы ездим второй день в «Оке»: возить нас подрядился местный водитель. Машина тесна и проигрывает в скорости любому транспорту, кроме трактора «Беларусь». Зато мы сегодня переезжали на ней овраг, отделяющий Шарангский район от Тонкинского.

Грязь была невероятная. На дне, опираясь на несколько кирпичей, лежала створка от ворот, переброшенная через ручей. Мы на неё заехали, остановились, и она как доска качелей опустилась другим концом на тонкинский берег ручья. Ещё мы ехали по пашне, огибали по околице одного из сёл ферму.

* * *

Собственно на общество Петра Павловича я как-то в то лето и не рассчитывал, собираясь в этот край, чтобы поглядеть снова на все найденные нами священные рощи и деревья, выяснить, в каком они состоянии через несколько лет после первой с ними встречи, не пилит ли кто деревья, не принимается ли что-то строить возле них. Наконец, просто сфотографировать рощи. Осокину предложение поехать с нами я сделал скорее из вежливости: это самый уважаемый в районе краевед, и мне казалось, раз уж мы знакомы и многое обсуждали, он должен быть в курсе наших здешних дел и перемещений. Хватит ли сил и здоровья у человека почтенного возраста несколько дней подряд в жару с утра до вечера колесить по просёлкам? Но Пётр Павлович сказал, что конкретной работы в музее у него сейчас нет, и решительно направился к машине.

22-летний Антон, сказать честно, бывал к вечеру уже никакой: тут же засыпал, стоило ему приземлиться на сидение, а когда тормозила машина в сотне-двух метрах от очередной рощи – он уже не бегал с фотоаппаратом, выбирая точку, а небыстро брёл. Уездили мы его.

А вот Пётр Павлович выскакивал из машины и шёл впереди нас двоих бодро, легко. Это в его 80 лет, после ранения в ногу!

– А я вот так думаю: когда у меня ещё случай будет всё самому объехать и посмотреть? Только с вами!

То, что Пётр Павлович к концу дня слегка начинает уставать от езды, от жары, я обнаружил, когда мы остановились возле села Кушнур. С трудом поспевая за ним, я вошёл в местную священную рощу и увидел, как он уже прислонился к дубу.

– Ай, какой дуб!.. Вот сколько ему лет?... Сейчас я за него держусь – и силы возвращаются... Нет, это очень хорошо, что мы объехали наши священные рощи. Здоровье прибавляется, душа играет, когда их вижу. И вода в рощах целебная. Тут же родники есть. Надо её пить. Это же счастье – сегодня я столько воды попробовал. Воду надо любить! Всякую воду...

* * *

Отношения человека с водой не могут быть простыми. Если её много, культ воды суров. Вода – сила карающая, убивающая: моря поглощают людей и их жалкие по сравнению с силой стихии творения. Да, что там моря! Этнографы прошлого рассказывают: мордва весной топила в Волге (её эти люди называли Ра) или в Оке лошадь. Это был подарок. Он демонстрировал уважение к воде и позволял надеяться, что больше огромная река не позарится ни на людей, ни на скотину. Воды надо бояться. А без неё не обойтись – она и даёт пищу, и служит дорогой.

Мало воды – опять страх. Иссякающая влага весьма определённо означает скорую смерть, а в лучшем случае – необходимость сниматься с места, забрасывать обжитое жилище, искать долю в других краях.

В Лесном Заволжье воды, пожалуй, небольшой избыток: где-то тайга заболочена. Но где-то воды маловато: ручей мелок, люди сетуют на засуху.

Водой здесь любят – хотят, чтобы у воды было красиво, чтобы она была прозрачна – до дна. Наверное, такое отношение появляется именно тогда, когда чего-то в меру. Если этого чего-то много, то любоваться им нечего – надоело, куда ни посмотришь – одно и то же. Если мало – тоже не полюбишься. Это просто вкрапление в пейзаж, какая уж тут красота – надо успеть попользоваться, пока оно цело... А вот здесь есть мера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.